

Людмила Милевская

Мы Маньячка, я Маньяк

ИРОНИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

ЭКСМО

Детектив с клубничкой

Людмила Милевская

**Ты маньячка, я маньяк,
или А пес его знает**

«Автор»

2003

Милевская Л. И.

Ты маньячка, я маньяк, или А пес его знает / Л. И. Милевская — «Автор», 2003 — (Детектив с клубничкой)

В городе только и говорили о маньяке. Радио, телевидение, пресса – все вещали лишь о его несчастных жертвах. Дусина болезнь от всех этих ужасов обострилась: она не решалась одна выходить из квартиры, а дома постоянно проверяла, нет ли маньяка в холодильнике, в собственном гардеробе и даже в мусоропроводе. Да еще подружки подливали масла в огонь: то у одной неизвестно от чего появляется кровь на клавишах рояля, то у другой Дуся обнаруживает спрятанный в ванной окровавленный нож. А самое главное – это кошмарные Дусины сны, где она в ночной рубашке, босиком шляется под луной по улице с каким-то незнакомым мужчиной в пижаме, и разговоры у них исключительно о маньяке. Но однажды Дуся с удивлением обнаружила, что это вовсе не сны – она действительно бродила по ночам! И самым ужасным было то, что она наконец-то поняла, кто был маньяком, вернее, маньячкой. Маньячкой была она сама!

© Милевская Л. И., 2003

© Автор, 2003

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	19
Глава 5	23
Глава 6	29
Глава 7	33
Глава 8	39
Глава 9	44
Глава 10	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Людмила Милевская

Ты маньячка, я маньяк или А пес его знает

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Только ленивый не писал о маньяках.

Я – не ленивая.

Л. Милевская.

Глава 1

Последний день отдыха показался счастливой чете Лагутиных каторжнее разгрузки вагонов. Вагоны, правда, разгружать им не доводилось, но чувство усталости пришло уже на третьем чемодане (вместе с вышеупомянутыми ассоциациями). Бархатную курортную идиллию будто корова вдруг языком слизала – раньше времени начались брачные будни. Где эти нежные взгляды? Где эта сладкая томность?

Он поигрывал желваками, она зло шипела.

Оба спешили домой, с нервной суматошностью упаковывали багаж, перекрикивая звуки радио, спорили и психовали...

Дважды скандалили!

Впрочем, быстро опомнились и, пугаясь собственной смелости, долго объяснялись – тьма извинений! Тьма! Потом, давая друг другу уроки мудрости, были предупредительны и злились только на чемоданы, которые сузились враз (почему-то?!) и обмельчали.

– Раньше у нас все помещалось, – недоумевал Леонид Павлович, зверски тирания замок английского кейса и утрамбовывая одежду коленом.

Еще вечером кейс этот Евдокия тайком набила морскими камнями, а хрупкие ракушки, не вполне доверяя мужу, она рассудительно уложила в свой рюкзачок, радуясь, как ребенок: «Ах, какой сад камней у меня получится! Сразу займусь, как только вернемся домой!»

Она любила возиться в своем саду, не зря муж подсмеивался: «Садистка ты у меня, дорогая».

Вот именно, что садистка, натолкала во все чемоданы супруга камней – пусть таскает садика ради, а у него, между прочим, радикулит. И возраст. Шутка ли, сорок пять! Жуткий возраст, когда тебе двадцать.

Пока Евдокия в чемоданы камни запихивала, совесть ее не мучила – все мысли только о саде, теперь же она о камнях тех сто раз пожалела. С опаской поглядывая на мучения мужа, Евдокия сочувствовала ему, с ужасом ожидала разоблачения и молила бога: «Пронесло бы мимо скандала».

Лагутин, навоевавшись с кейсом, горько вздохнул, вытер пот и взмолился:

– Дашенька, может хоть часть моих рубашек к себе заберешь?

Дашенька оцепенела: под рубашками камни ее и лежали.

«Сейчас начнется», – паникуя, предположила она и, просияв фальшивой улыбкой, с оптимизмом спросила:

– Неужели не закрывается?

– Абсолютно, – заверил он, мечя стрелы-молнии только в сторону кейса, хотя появилось желание обрушиться на жену: чему она радуется?

Евдокия, догадавшись о настроении мужа, убрала улыбку с лица и поспешила на помощь:

– Дай, попробую я.

С трудом подавляя новый прилив раздражения, Лагутин скептически осведомился:

– Думаешь, у тебя больше сил?

Евдокия фыркнула и пожала плечами:

– Не жалуйся мне тогда.

Он мысленно констатировал: «Все, последняя капля. Нервы мои похожи на марлю; сейчас я ее убью!»

Женская самонадеянность бесила его всегда, однако руки на жену он ни разу не поднял, потому что интеллигентно ее берег. Обращая гнев на злосчастный кейс, Леонид Павлович с яростью щелкнул замком – замок счел за благо закрыться. Евдокия облегченно вздохнула и вернулась к своим чемоданам.

«Что это я сегодня противная такая? – удивилась она. – Ко всему придираюсь, во всем возражаю, фыркаю, дергаюсь, закатываю глаза... Будто нарочно злю его даром».

Со вздохом, заталкивая не пригodiвшийся свитер в кулек, она про себя заключила: «Нет, это не болезнь возвращается, просто день получился жуткий. Поскорей бы он кончился. Оба на взводе, магнитная буря, оба перегрелись вчера, не выспались, к тому же, этот чертов маньяк одолел».

О маньяке, о его жутких злодеяниях, и здесь, на курорте, говорили буквально все, а ведь Лагутины надеялись от него отдохнуть. С самых первых сообщений впечатлительная Евдокия слишком близко приняла к сердцу убийцу-маньяка, ужасно боялась – он снился ей по ночам. Она искала его глазами на улицах города, не хотела одна оставаться в квартире: маньяк лез из всех щелей, даже из мусоропровода. Вздрагивая, Евдокия открывала уже и холодильник, и собственный гардероб.

– Дашенька, – успокаивал жену Лагутин, – ты только подумай: откуда в нашем доме взаться маньяку? Третий этаж, консьержка внизу, охрана, надежные замки на каждой двери, на окнах решетки. Он ищет жертву на улице, вечером, и в кустах ее убивает. Если будешь меня слушаться, бояться совсем тебе нечего. И вообще, слишком ты мнительна. Успокойся, тебе нельзя так часто и сильно чего-то бояться – может вернуться болезнь.

– Я спокойна, – она заверяла, но муж – опытный психиатр и ее лечащий врач – горестно качал головой:

– Не верю. Чувствую, пойдет весь мой труд насмарку: обострится твоя болезнь.

И действительно: все чаще она икала, все реже притрагивалась к еде, не решалась одна выходить из дома, мучили жуткие сны – просто кошмары! С чувством вины Евдокия ловила тревожные взгляды мужа и пожимала плечами:

– Не виновата я, Леня. Это маньяк.

Наконец Леонид Павлович постановил:

– Нельзя тебе больше бояться. Это слишком опасно. К тому же, давно пора сменить обстановку. Беру отпуск и две путевки.

– Ура-аа! – обрадовалась Евдокия и, зная пристрастия мужа, взмолилась: – Только не надо в Испанию.

Он нахмурился:

– Хорошо, а куда?

– В Сочи хочу! В Сочи! Скучно мне в тех заграницах. Все там искусственное, чужое, все там стерильное: даже улыбки.

– Сочи так Сочи, – нехотя согласился муж, – но учти: в Сочи тоже маньяк.

– Ерунда, – отмахнулась счастливая Евдокия, – там будешь ты. Господи, рядом со мной все время! Даже не верится, – восхитилась она.

Леонид Павлович оказался прав: и в Сочи маньяк преследовал их на каждом шагу. Радио, телевидение, пресса: все – только о трупах. Будто маньяк свел мир с ума.

Но права оказалась и Евдокия: больше маньяк ее не волновал. Первое время она еще цепко впивалась своими хрупкими пальчиками в надежную руку мужа, но и это быстро прошло. К ней вернулись хорошее настроение и аппетит, исчезли икота, ночные кошмары и, самое главное, страхи исчезли. Леонид Павлович успокоился, постановив: «Здорова Даша моя, здорова».

И вот в самый последний день будто все разом вернулось: нервная, вредная и снова икота.

«Конечно, – злилась на весь белый свет Евдокия, – как тут болезнь не вернется, когда все о нем говорят. Кажется, только маньяк интересуется людей. Нет у них дел поприятней, чем кости поганцу перемывать. Маньяк – в магазинах, маньяк – на базаре, маньяк – ресторанах и даже в салоне красоты, там тоже только маньяк. Впрочем, там больше всего. Когда одни женщины собираются...»

Волнующий, слегка хриловатый бас мужа вплелся в тревожную мысль Евдокии:

– Уфф, упаковался. И, кажется, проголодался. Дашенька, сейчас отнесу вещи в багажник и – в ресторан. Надо как следует подзарядиться перед дальней дорогой.

– Как скажешь любимый...

Леонид Павлович поднял свой кейс и крикнул ошеломленно:

– Почему тяжелый такой? Даша, – он строго взглянул на жену, – чего ты туда натолкала? Неужели камней?

Евдокия лгать не решилась. Она робко кивнула и прошептала с мольбой:

– Ленечка, для нашего садика.

К пущей убедительности она два раза икнула и напустила капельки слез в глаза.

Леонид Павлович хотел было взорваться, но, увидев слезы, подумал: «Она же ребенок. Икает уже. Еще, не дай бог, приступ начнется, вернется болезнь...»

Махнув рукой, он обреченно поволок чемоданы к автомобилю, удивляясь и себе, и своей молодой жене. Каким-то непостижимым образом они успели обжиться в номере «люкс» сверх основательно, а ведь там все уже было, от туалетной бумаги до зубочисток. Евдокии же мало. Пристрастие у нее окружать себя хламом. За двенадцать дней она столько в номер свой натащила, что сборы домой все больше напоминали основательный переезд в другую страну. И, что ужасней всего, выбросить даже вшивой салфетки не смей, ни-ни! За что ни ухватишься, все самое нужное – непременно надо тащить с собой! А тут еще камни эти!

И как добрый заботливый муж, и как опытный психиатр Леонид Павлович понимал, что с женою надо быть понежней – и южное солнце, и его возражения, и хлопоты отъезда (черт их дери!) не самым лучшим образом сказываются на ее нервной системе.

«Разумеется, надо бы с Дашенькой бережней, – думал он, внешне легко, но не без труда влача неподъемные чемоданы. – Надо меньше ей возражать, хотя, с другой стороны, и я не железный. На ее выдумки и капризы никаких нервов не хватит. Спрашивается, зачем тащить эти камни с моря, когда их можно и дома купить? Тонкая натура! Любительница прекрасного!

А что она выкинула, натура эта, вчера! Попросил ее на столе прибраться, так она, задумчивая моя, „прибрала“ дорожную пепельницу прямо в мусорное ведро. В то ведро, в которое загодя вывернула тарелку сациви и объедки со всей санаторной столовой – очередная дворняжка, видите ли, на свидание к ней не пришла. И я, чистоплюй, должен был лезть своими руками во всю эту гадость за пепельницей. Настоящий стресс пережил.

А эти ее собачки. Любительница животных! Уж не знаю как и бороться с отзывчивостью такой. Купил ей отличного пса стоимостью в автомобиль – целуйтесь сколько хотите, нет же, „пса не хочу“. Не знал потом как даром его в хорошие руки пристроить, приплачивать пришлось, иначе не мог избавиться, она же по-прежнему подбирает паршивых каких-то и шелудивых... Поборница чуткости!

И все вокруг восхищаются: „Вот она, настоящая доброта!“ Дать бы пожить им с такой добротой, мигом в петлю бы запросились...

А эта ее рассеянность! Платья и сумочки устал покупать: теряет, портит, защемливает во всех дверях, смешит таксистов, швейцаров...

И я все прощаю, все понимаю, но камни можно и дома купить!»

Камни Леонида Павловича добились. Очень он рассердился, и не потому что тяжелые. Леонид Павлович в свои сорок пять был молод, подтянут, красив и силен – не переборщи он с фитнесом, не докучал бы ему и проклятый радикулит. Да и с радикулитом он понес тяжеленные чемоданы легко, едва вышел из номера, демонстрируя дежурной по этажу (моднице и милашке) выправку да осанку.

«Какой мужчина!» – с удовольствием прочитал он в ее голубых глазах, но... все омрачали камни.

Камни доби́ли его. Леонид Павлович терпеть не мог беспорядка. Ни в чем: ни в делах, ни в одежде... Особенно не переносил он беспорядка в мозгах, может, поэтому и стал Леонид Павлович психиатром.

Может, по этой причине и женился он на Евдокии. Вот где работы край непочатый – как говорится, и конь не валялся. Леонид Павлович засучил рукава и терпеливо, стиснув зубы, с героической мудростью, шаг за шагом, день за днем лечил редкую болезнь жены, заодно прививая Дашеньке зачатки логики и порядка.

И неплохо же получалось! И вылечил, и к порядку привел, и многому научил – настырный и терпеливый...

Правда, порой и он не выдерживал с ней. Камни же – откровенная глупость. Зачем их тащить, если продаются они повсюду? И, кстати, совсем не дорого...

Впрочем, Леонид Павлович быстро взял себя в руки – сразу же, как отправил чемоданы в багажник машины, женушку и возлюбил. В номер он входил уже с улыбкой нежности на губах: – Дашуня, радость моя, а вот и я. Ты готова?

Глава 2

Войдя в номер, Леонид Павлович обмер и озверел, и даже хуже. На этот раз все было не так – все неправильно! Даша сидела на кровати! В обуви! В позе «лотоса»! На дорогом покрывале! И ела мороженое!!!!

«Откуда она только его взяла? – задался горестным вопросом Лагутин и тут же отметил: – Если испачкает покрывало, заставят платить».

Но это было еще полбеды. Управляясь одной рукой со стремительно тающим пломбиром, другой – жена прижимала сотовый к уху, с кем-то одновременно болтая.

Леонида Павловича окатило новой волной горячего гнева.

«С кем это там она? Разумеется с подругой. Без моего присмотра. Я же ее просил! Наверняка растрепала уже, что мы в Сочи. Теперь всем известно, что мы в отъезде, что брошен дом... Милости просим, воры-разбойнички! Любой приходи, все бери, что честным трудом нажито...»

Здесь Лагутин покривил изрядно душой: он, как председатель экспертной комиссии, брал приличные взятки. Но с другой стороны, покажите того чиновника, который не считает пресловутые взятки кровным своим, заработанным честным трудом – ведь это главный его доход. Впрочем, мы не о том...

Леонид Павлович был взбешен, он подумал: «Какой ужасный беспорядок! Мало, что пачкает покрывало, вещи бросила собирать и с подругой о запрещенном болтает, так еще и привыкнет, и дома так станет сидеть, в обуви на кровати с мороженым...»

Евдокия, обнаружив в дверях мужа, приветливо кивнула ему и шепотом сообщила:

– Это Майка!

Он решил: «Хоть майка, хоть фуфайка, сейчас я ей покажу!»

Но, почувствовав как неконтролируемая волна негодования поднимается из глубин его сущности, Леонид Павлович спохватился и бросил все силы на подавление этой волны. Идиллическая атмосфера счастливого брака была спасена.

– Дашенька, – ласково спросил он, – где ты взяла мороженое?

– В холодильнике. Кое-что там испортилось, я это выкинула, но мороженому-то что делается? Тем более, в морозилке, – со всею нежностью ответила жена и уже небрежно добавила, явно подружке: – Слышь, Майка, Ленечка мой пришел. Позже перезвоню.

Отправив сотовый в карман, Евдокия расплела из «лотоса» тонкие ноги и шустро заерзала задиком по атласному покрывалу, сползая с кровати навстречу мужу. Леонид Павлович строго смотрел на жену, мысленно собираясь перед нотацией и размышляя с чего начать: с обуви, или с мороженого, или с того, что в определенные моменты подругам звонить не полагается.

Хотелось говорить обо всем, однако он и слова сказать не успел, как снова затренькал сотовый. Прижав к уху трубку, Евдокия изменилась в лице.

– Ма-моч-ка! Кажется, я сейчас умру! – пропищала она, и в глазах ее отразился такой запредельный ужас, что Лагутин струхнул.

– Что случилось? – воскликнул он, бросаясь к жене. – Нас затопили?! Дома пожар?!

– Хуже! Гораздо хуже! – истерически закричала Евдокия, и нервы его не выдержали.

Леонид Павлович вырвал телефон у жены и лихорадочно прижал его к уху.

– Сначала я не поверила, – неистовой скороговоркой, пронзая барабанную перепонку Лагутина, строчил женский голос, – ну капелька и капелька. Всего одна. Я думала, это варенье вишневое. Сестре-сладкоежке накустыляла, чтобы и близко к роялю не подходила со своими дурацкими бутербродами, а потом вижу, лужица. Лужица, Дуся! А потом целая лужа!

– Что-оо?! – взревел Леонид Павлович. – Какая лужица-лужа?! Какие бутерброды?!

Он в ярости отшвырнул от себя трубку – правда не на пол, а на кровать, на мягкое покрывало – и гневно уставился на жену:

– Хочешь в могилу меня загнать? Довести до инфаркта решила?!

Евдокия нервно икнула:

– Леня, у Евы в доме жуткие творятся дела!

– Ха! У Евы творятся дела! А у меня еще хуже: родная жена издеваться изволит! Взялась меня извести! Неужели не ясно, когда ты так завопила, ноги мои подкосились! Я думал, что в нашей квартире пожар!

Евдокия снова икнула и покосилась на трубку, упавшую рядом с ней:

– Ленечка, я не шучу! У Евы такое творится!

– Да слышал я, слышал, – разом вдруг успокаиваясь, насмешливо констатировал Лагутин. – Все я слышал. Лужица, бутерброды – кошмары, солнышко, еще те. Как тут не посочувствовать. Непонятно, зачем ты сотовый прихватила с собой. Я же тебя просил. То Майка, то Ева... Уверен, о нашем отъезде знает теперь весь белый свет...

Евдокия испуганно затрясла головой:

– Нет, Ленечка, как мог ты подумать? Я с подругами так говорила, что невозможно было понять, в городе мы или нет. Вот если бы мне звонили, а я бы не отвечала, вот тогда бы всем стало ясно...

Оправдания обрывая, опять зазвонил телефон. Евдокия, не решаясь брать трубку, с растерянной мольбой посмотрела на мужа. Леонид Павлович обреченно махнул рукой:

– Чего уж там, бери, слушай про бутерброды. Да не проболтайся, смотри, что мы в Сочи. Впрочем, скоро мы возвращаемся, если вообще когда-то отсюда уедем с такими странными сборами.

Лагутин зло пнул ногой чемодан и тут же, его подхватив, и коробку со шляпами, поспешил вон из номера к автомобилю.

Едва дверь за мужем закрылась, Евдокия ловким (обезьяньим) движением цапнула трубку и закричала:

– Ева! Евочка, это ты?!

Конечно, это была Ева.

– Дуся! – вопила она. – Нас разъединили?!

– Разъединили? Евочка, как возможно такое? Душой я с тобою всегда! Рассказывай, что у тебя происходит? И поподробней!

Об этом и не надо было просить (женщины любят детали), Ева опять застрочила:

– Сначала была капелька, едва заметная капелька крови. На клавише, на одной, на «до» первой октавы. Но я-то не знала, я думала, что вареньем намазано. Вишневым. Юльке накостыляла слегка и успокоилась. Через несколько дней смотрю, капелек уже пять: на «ре», «ми», «соль» первой октавы и на «до», «фа» – второй. Присмотрелась, на варенье совсем они не похожи. Еще присмотрелась – кровь! Ох, как я рассердилась на Юльку, даже ее отшлепала и наказала: «Со своими вечно ободранными лапами к роялю и близко подходить, мерзавка, не смей!» И что же? Через несколько дней на «ре» третьей октавы лужица. А сегодня уже настоящая лужа на «ми», «фа» «соль» пятой октавы и сильно испачканы черные клавиши. Но самое страшное то, что Юлька здесь ни при чем, зря ее колотила. Целых три дня я дома одна! Абсолютно одна!

Оцепеневшая Евдокия, заикаясь, спросила:

– К-куда же все делись?

Ева всхлипнула:

– Я еле живая от страха. На дачу уехала вся семья. Сама их выгнала, чтобы не мешали мне к фестивалю готовиться. Едой запаслась и над новым концертом работала, три дня не выходила из дома.

– Может, кто-то к тебе приходил и решил подшутить, – замирая от ужаса, прошептала в ответ Евдокия.

– Если бы, в том-то и дело, что не приходил в эти дни никто. Одна я была в квартире. Кровь с клавиш начала вытирать и вдруг так страшно мне стало, что потемнело в глазах. С воплем забилась в ванную, под унитазом сижу, выйти боюсь. Слушай, Дуська, ты мне не веришь?

– Про то, что под унитазом сидишь? – удивилась та и озадаченно осведомилась: – Да, в самом деле, Ева, как ты умудрилась забраться под унитаз?

– Ой, Дуся, сижу-то я рядом, но черт с ним, с унитазом моим! В то, что кровь на клавишах появляется, веришь или не веришь?

– Верю! – не задумываясь, выпалила Евдокия. – Я самая первая увидела эту кровь!

– Ой, мамочка! – взвизгнула Ева. – Сейчас я от страха умру! Ты видела кровь?!

– Да! На твоих клавишах!

– Ой, мамочка! Точно умру! Когда?!

– В тот день, когда появился маньяк!

– Да ты что?!

– Евусик, я сидела возле рояля, уставившись в телевизор. Ты на кухню кофе варить пошла. Тут начали про маньяка рассказывать, я разволновалась и на клавиши оперлась рукой, то есть, локтем... Ева, знаю, ты за это ругаешь, инструмент расстраивается и все такое... Честное слово, я по рассеянности, – бросилась оправдываться Евдокия, но подруга ее перебила:

– Хватит, Дуся, мне уже не до клавиш. Дальше-то, что с кровью было?

– Да ничего. Я про кровь только дома узнала, когда блузку сняла. На локте было пятно.

– Что же ты мне не сказала?!

– А о чем говорить? Знаешь сама какая я недотепа. Спасибо еще, что только пятно.

– Да, спасибо, что на месте рукав, – саркастично вставила Ева.

– Именно, – не обиделась Евдокия. – Со мной и похуже приключения каждый день происходят, а тут всего лишь пятно. В тот день я не задумалась, но когда я опять оперлась на клавиши...

На этот раз Ева взвилась:

– Вот в чем дело! А я удивляюсь, почему рояль так часто расстраивается! Оказывается, она на него опирается! Каждый день!

– Не каждый день!

– Дуся, нельзя быть упрямой такой! Если просят тебя по-хорошему, изволь выполнять! Он кучу денег, рояль этот стоит. И настройщик нынче не дешев.

Евдокия ядовито спросила:

– Тебе уже не интересно про кровь?

– Интересно, – буркнула Ева, – дай только слово, что больше не будешь...

– Не буду! Даю! Никогда! И не имею привычки такой, но в тот день, видимо, черт попутал: про маньяка снова по телику говорили, снова я увлеклась, снова на клавиши оперлась и снова локоть в крови. На этот раз видела след. Когда ты вошла, я быстро локоть убрала, а на клавишах...

– Капля?!

– Нет, кровью намазано. Каплю блузка впитала и уж потом я по клавишам развезла кровь рукавом.

– Что же ты мне не сказала? – опять сокрушилась Ева.

Евдокия вдруг рассердилась:

– А что я должна была говорить? Что на клавиши твои опиралась да комара невзначай придавила? Ведь именно так я тогда подумала, только теперь уже все поняла. Выходит, это был не комар. Но что же?

– Дусенька, миленькая, – с ревом взмолилась Ева, – приезжай скорее ко мне!
– Прямо сейчас?
– Прямо сейчас!
– Сейчас я не могу, занята. Почему бы тебе не вернуть с дачи семейство?
– Пыталась, но сотовый не отвечает.
– Попробуй еще.
– Да пробовала сто раз! Сколько можно? К тому же, мне никто не поверит. Мама скажет, что я сочиняю опять. Дусенька, приезжай или я здесь, под унитазом, от страха умру! Если не хуже!

Этим заявлением она насторожила подругу.

– А что может быть хуже? – втянув голову в плечи, спросила Евдокия и два раза нервно икнула.

Ева сделала длинную паузу и экзальтированно прошипела:

– А хуже: меня прикончит маньяк!

– Евочка, миленькая, – заголосила Евдокия и... вынуждена была мгновенно прервать разговор. – Я позже перезвоню, Леня пришел, – испуганно сообщила она и, прошептав «да, бабуля была права», спрятала трубку.

– Леню своего боится больше маньяка, – со вздохом подивилась Ева и, сидя под унитазом, покорно принялась ждать.

Она знала свою подругу: раз Дуся выдала обещание, значит не подведет.

Глава 3

Леонид Павлович и вещи в багажник автомобиля отнес и даже успел пофлиртовать на прощание с милашкой-дежурной. Он видел, что очень ей нравится: кокетничала, чертовка, отчаянно с ним все эти двенадцать дней и Дашу сразу же невзлюбила – провожала презрительным взглядом. Во взгляде недоумение и вопрос: «И что он, красивый, умный, интеллигентный мужчина в этой дурочке и страшилке нашел?»

А Даша, неосознанно чувствуя неприязнь, словно назло, проходя мимо дежурной, то на ровном месте вдруг спотыкалась, то сумкой цепляла стоящие в холле цветы. Горшки падали, бились – Лагутин сокрушался, качал головой, извинялся – дежурная, торжествуя, со сладкой улыбкой в ответ ворковала:

– Не волнуйтесь, ужасного ничего, подберем.

Но Дашу с такой брезгливостью злыми взглядами провожала, что к Лагутину (читавшему эти взгляды) сразу просилось на ум: «чокнутая» да «удолбище». Он и не ошибался совсем – как раз такими словами дежурная полна и была, провожая нескладеху-Дашу злыми глазами.

Простосердечная Даша же, как обычно, с лаской ко всем и со всею душой – дежурную комплиментами баловала, дорогими фруктами угощала, шоколадками пичкала...

И чем больше завистницу улещала, тем сильнее ее та ненавидела.

Леонид Павлович, для которого человеческая душа, что учебник, до дыр зачитанный, видел какие страсти тут происходят, какие движения и куда, но поделаться не мог ничего. Жену он предупреждал, советуя быть недоступнее, но бестолку все. Прямо сказать ей нельзя: слишком уж впечатлительна, а намеками – что об стенку горох. Он ей:

– Даша, обслуга бедная, а мы живем в номере «люкс» и за день способны истратить то, что хорошая горничная и в месяц не получает.

Она же ему в ответ:

– Потому я дежурную фруктами и кормлю. И не пойму, чем ты не доволен.

Вот и говори с ней после такого ответа. Дежурная – стерва – ведет себя внешне солидно, а Даша – добрячка – выглядит дура душой.

Но с другой стороны, Лагутин не держал на дежурную зла: он мужчина ее мечты – очевидно, а Даша счастливая конкурентка. За что же дежурной ее любить?

Лагутин поэтому с чистой совестью на прощанье с дежурной пофлиртовал, покупался в лучах ее обожания – не смог себе отказать. В свой номер по этому поводу он вернулся в приподнятом настроении – после (пусть и легкой) измены как-то особенно хочется любить родную жену.

– Дашутка! Радость моя! Я уже здесь!

И что же он видит: Радость сидит по-прежнему на кровати, в обуви на покрывале – Лагутин нахмурился, в нем самом радости, как ни бывало, только злоба одна.

«Что это, черт возьми, происходит? Я, как ишак, с чемоданами, знай себе, бегаю по этажам, а она прохлаждается?»

– Даша, почему до сих пор не собран твой рюкзачок? В конце концов, это бессовестно. Я устал, страшно голоден, мне предстоит долгий путь за рулем. Эдак мы и к ночи не выберемся...

Разумеется, после такой сентенции, Евдокие и в голову не пришло делиться с мужем загадками Евы. Во-первых, он не поверит. И не захочет слушать. А во-вторых...

Во-вторых, много чего. Вплоть до скандала. Не стоит испытывать, пожалуй, судьбу.

Евдокия вспорхнула с кровати и – прямо на шею к мужу:

– Ленечка! Как я рада, что мы едем домой! Ленечка! Я страшно тебя люблю! Ты – самый лучший!

Он смягчился:

– Ну-ну, хитрунья, хватит, задушишь. Лучше иди собери рюкзачок.

– Считай, он уже собран!

И действительно, быстро все собрала (может же, если захочет) и помчалась к дежурной сдавать ключи и прощаться.

Лагутин, предвидя ужасную сцену, (Даша – сама простота, та, стерва, – ехидство одно) схватил последние чемоданы и к автомобилю сбежал.

– Встретимся в ресторане, – бросил он жене на ходу и вскоре сильно о том пожалел, что ее без присмотра оставил.

Теперь он жену вообще потерял: и в ресторане зря ждал – не дождался, и у дежурной ее не нашел, сбежал к автомобилю – и там Даши нет.

– Черт возьми! Это уже никуда не годится! – взорвался бедный Лагутин. – Ох, она меня доведет!

И в этот трагический миг он увидел свою Евдокию: негодница сидела под пальмой на лавке с сотовым, приложенным к уху. С кем и о чем болтала жена Лагутин не слышал – был от нее далеко – но разъярился он не на шутку и завопил:

– Даша! Ты издеваешься?!

Вздрогнув, она оглянулась, поспешно спрятала трубку и... возликовала:

– Ленечка, ты нашелся! Я потеряла тебя!

Леонид Павлович оторопел:

– Ты меня потеряла?! Это я тебя потерял!

– Я здесь была, как ты и велел.

– Я велел? Я ждал тебя в ресторане.

– Правда? Слышу впервые.

Он впился пытливым взглядом в ее голубые глаза: «Врет или снова все перепутала?»

Евдокия была расстроена – искренне, ошибаться никак он не мог: знает свою жену.

– Ленечка, по всему санаторию бегала, искала тебя, и в ресторане была, и к дежурной сто раз возвращалась, – защebetала она.

– Ладно, нашлась и нашлась, – махнул он рукой. – Смотри, больше не пропадай.

– Ни на шаг не отойду, – заверила Евдокия и протяжно вздохнула.

Лагутину вдруг почудилось, что внутри у жены беспокойно: идет там мучительная борьба. Но спрашивать было некогда: во-первых, проголодался, во-вторых, надо было спешить – неотвратимо близился вечер...

В общем, было не до того. Потом же, набросившись на еду, и вовсе он не заметил, что Даша особо задумчива и грустна.

А ее напугал разговор с Евой, точнее, продолжение их разговора. Вопреки ожиданиям мужа, Евдокия не стала долго прощаться с дежурной. Как только Лагутин скрылся из вида, она извлекла из кармана свой сотовый и, помахав дежурной рукой, помчалась вниз по ступеням:

– Евусик, это твой Дусик. Как обещала, звоню. Ты где?

– Там же, где и была.

– А где ты была?

– Что-оо?!

Евдокия взмолилась:

– Евусик, прости. Мало, что я рассеянная, так еще и Ленчик мой сильно не в духе. Ко всему придирается, просто кругом идет голова. Видно, бабуля была права, ну да бог с ним, напомни, ты где?

Ева со вздохом напомнила:

– Под унитазом я, Дуся, сажу.

– Зачем?

– На всякий случай.

– На всякий случай?! Что это значит?

– Ой, Дуся! Неужели не ясно? Кровь, капельки эти... Я сама не своя. От страха, полные, Дуся, штаны – самое место мне под унитазом. И потом, здесь безопасней: щеколда, дубовая дверь...

– И долго ты собираешься в туалете сидеть?

– До тех пор, пока ты не приедешь.

– Пока я не приеду?!

Евдокия нервно икнула и решила открыть секрет:

– Евусик, я приехать никак не могу.

– Почему?

– Я далеко. Мы с Ленчиком в Сочи. Вернемся не раньше утра.

Ева трагично восприняла весть: она зарыдала, зло и беспомощно приговаривая:

– Зачем эти друзья, когда на них положиться нельзя? Ирка в Париже, Майка за городом, с любовником на пикник укатила...

– Она мне звонила, хвастала, знаю, – вставила Евдокия.

– ... Ты заваялась в Сочи. Всем на меня плевать, – продолжила Ева и завопила: – Я погибла! Погибла!

Паникуя, и Евдокия в унисон завопила:

– Погибла?! Ты?! Почему?!

– Тебе-то какая разница, – отмахнулась, рыдая Ева. – У тебя есть дела поважней.

– Евусик, не вредничай, я тоже сейчас от страха умру! Давай, по-быстрому все выкладывай, пока Ленчик меня не нашел!

И Ева ошеломила подругу:

– Это маньяк!

– Маньяк? – с ужасом пискнула Евдокия, подумав: «Теперь ясно, почему я так сильно его боялась. Предчувствие! Это оно! Как всегда, не подводит! А сны мои! Сны!»

– Помнишь, по телевизору сообщали, – продолжила Ева, – есть подозрение, что маньяк не случайных девиц убивает, а только тех, с кем отношения как-то завязывает. Перед тем, как жертву зарезать, он, якобы, долго с ней забавляется.

У Евдокии потемнело в глазах:

– Как?!

– По-разному, думаю. Со мною вот так: кровью рояль поливает.

– Зачем?

– Страшает и страхом моим наслаждается, ужасов хочет нагнать, а потом, когда я, обезумев, на улицу выскочу, он затащит меня в кусты и...

– Мапочка! – содрогаясь, пискнула Евдокия и два раза нервно икнула. – Евик, что же нам делать? Может, в милицию позвоним?

Ева с сарказмом спросила:

– Думаешь, грустно им без тебя? Хочешь ментов рассмешить? Так они нам и поверили.

Им же это не выгодно, придется работать...

– Да, ты права. Слушай, Евусик, а как он в квартиру к тебе попадает, этот маньяк?

– Думаю, через балкон. Балкон-то всегда в кабинете открыт. Ой! Я его не закрыла! – ужаснулась она.

Евдокия охнула и наказала подруге:

– Так пойди и закрой.

– Дуру нашла, – заупрямилась Ева. – Нет уж, я лучше от страха под своим унитазом умру, чем отправляться под нож зверя-маньяка!

– Глупостей не болтай, – психуя, отрезала Евдокия. – Он убивает только на улице и только в кустах.

– А что ему стоит меня подстеречь и с балкона на улицу выбросить?
– Зачем? Разве есть у тебя во дворе кусты?
– Да, асфальт там один, – согласилась Ева.
– Кстати, – озадачилась Евдокия, – а почему он привязался к тебе, этот маньяк? Мало, что ли, девиц в нашем городе?

Ева нервно хихикнула:

– А сама не догадываешься?

Евдокия гаркнула:

– Нет!

– Потому, что маньяк убивает самых красивых. А наш концерт по телевизору недавно показывали, – с важностью сообщила Ева, чем окончательно испугала подругу.

– Евик! – завопила она. – Это так! Евик, ты сразу в глаза всем бросаешься! Тебя не заметить нельзя! И маньяк тот концерт увидел! Господи! Как я сама не додумалась! Жди меня! Жди! Я скоро буду!

– Будешь? – с надеждой спросила Ева.

– Буду!

– Когда?

– Завтра утром!

В трубке раздался истерический хохот Евы:

– Ха-ха-ха! Уморила! Думаешь, он станет ждать утра? Сегодня ночью меня и прикончит! Тем более, что он давно не убивал. Руки, небось, уже чешутся.

Евдокия хотела ответить, хотела приободрить подругу, но в этот самый момент раскати-сто прогремел возмущенный глас мужа – Евдокия очнулась, обнаружив себя под пальмой на лавке.

Как оказалась на лавке она, Евдокия не помнила – рассеянно забрела за страхами и разговором.

– Евик, я позже перезвоню, – пискнула спешно она подруге и спрятала трубку в карман.

Пока препиралась с мужем, мысли одни: «Сны! Эти странные сны! Слишком они похожи на явь!»

Нет, Евдокия не верила, что ее ночные прогулки под луной с незнакомым мужчиной были в действительности. Она боялась другого – предчувствия. Ее редкая болезнь каким-то неведомым образом обостряла шестое чувство – Евдокия (как и брат ее, Боб) умела угадывать и предугадывать мысли, события, о которых на самом деле знать не могла.

Вот и сны эти она сразу связала с маньяком, да и как не связать. Время от времени она вдруг находила себя не в кровати, а на улицах города – ночного города – где прогуливалась сонная в нижнем белье. В одну из таких прогулок она повстречала того, у кого был похожий сдвиг: симпатичный молодой мужчина в пижаме сидел в кустах и... громко рыдал. Евдокия, зная, что это сон, бесстрашно к нему подошла и спросила:

– Могу ли я вам помочь?

Молодой человек испугался и хотел убежать, но она взмолилась:

– Пожалуйста, не оставляйте меня здесь одну.

Он, прячась за ветками, осведомился:

– А почему?

Евдокия призналась:

– Мне страшно.

– Вы боитесь маньяка, – догадался молодой человек и тоже признался: – Я еще больше маньяка боюсь.

– Еще больше? Отчего еще больше? – удивилась она.

Он, смущаясь, ответил:

– Я знаю, кто он, этот маньяк.

– Знаете?!

– Да. И поэтому нам лучше расстаться. Прямо сейчас, немедленно.

– Вы не можете так сразу уйти, – воскликнула Евдокия. – Я вас не отпущу!

Молодой человек рассердился:

– Уж здесь-то я все могу.

– Здесь, это где?

– Конечно во сне. Девушка, вы всего лишь мой сон. Вы мне снитесь.

Евдокие стало смешно.

– Нет, милый мой, это вы снитесь мне.

– Да что вы! А вот мы сейчас и проверим. Я уйду, а вы попробуйте сделать так, чтобы я остался.

– Согласна!

И Евдокия попробовала, но мужчина ушел. Ощущая мучительное бессилие, она проснулась и обнаружила, что лежит на кровати, яростно сжимая комки простыни, а за окнами брезжит рассвет...

– Слава богу, – обрадовалась Евдокия, – это всего лишь был сон, и я не гуляла в ночной рубашке по спящему городу.

А через несколько дней...

Глава 4

Совершив над собой усилие, Евдокия забыла про сны и вернулась к проблеме Евы. Теперь она боролась с собой: с одной стороны, мучительно необходим совет мудрого мужа, но с другой – как ему все рассказать? Не поверит, рассердится, скажет «невовремя»...

Дело в том, что все они: Майя, Ирина, Ева и сама Евдокия были его пациентками – они познакомились в группе, созданной пять лет назад.

«Надыбал» группу Борис – Боб – старший брат Евдокии. Он тоже был болен – эта болезнь передалась им по наследству и почти не лечилась. Евдокия сдалась и махнула рукой: «такой и умру», Боб же не унывал – перепробовал все: амбулаторку, гипноз, физиопроцедуры, фитотерапию, иглоукалывание, даже к народной целительнице ходил и к колдуну – из него изгоняли нечистую силу...

Так Боб добрался и до группы психиатра Лагутина, делавшего первые в нашей стране шаги по стезе психоанализа.

– Вылечить там нас не смогут, – поделился с сестрой впечатлением Боб, – но душу слегка отвлекут. Научат кое-чему и вообще, там интересно. Не ленись, Даша, сходи, – посоветовал он, и Евдокия решилась.

Сам Боб быстро к группе той охладел – «одни бабы собрались», а Евдокия нашла там подруг и... даже мужа. Серьезных больных, кроме нее, в группе не было. Как съязвил умный Боб, собралась толпа истеричек.

Впрочем, он был не прав. В группу к Лагутину шли не лечиться, к Лагутину шли за помощью в решении жизненно-важных проблем. Простым обывателям представлялось, что психиатр, изучая чужую душу, должен бы научиться манипулировать не только больными, но и здоровыми – вот и пускай передаст мастерство. Ирина хотела наладить отношения с мужем, Майя – облегчить поиск любовников, красавица Ева – сделать карьеру. Евдокия искала только здоровье – хотела конкретного избавления от своего недуга, ломавшего всю ее жизнь. Группа Лагутина несчастных женщин свела.

Ирине было тогда 35, Майе – 30, Еве – 24, а Евдокие всего лишь 16 лет, и все же они подружились: крепко, по-настоящему. Евдокия была застенчива, а подруги – «отвязны», современные и чрезвычайно болтливы. Психиатра Лагутина они заставляли скучать. Заинтересовала его только болезнь Евдокии. Сначала – редкая болезнь, потом – сама Евдокия, в общем-то, тоже редкая, неординарная.

А группа недолго существовала – вскоре распалась. Лагутин понял, что наука не сытно кормит. Он стал чиновником, женился и, быстро сделав карьеру, занял высокий пост. Но и практику Лагутин не бросил: взял лицензию и очень скоро стал модным психоаналитиком – настоящей знаменитостью стал, со всеми атрибутами местной звезды: обзавелся толпой воздыхательниц, не чурался тусовки, охотно интервью раздавал и прочее, прочее...

Такая жизнь несла массу соблазнов, однако перзрелым плейбоем Лагутин себя не считал. Как интеллигент в пятом колене он во всем любил чинность, солидность. Правда, изредка вольности он себе позволял – лишь легкие и невинные, на его мужской вкус. Но внешне все было благопристойно: Лагутин очень любил жену. Настоящей мужской любовью. Он вложил в Евдокию много своей души и любил уже в ней себя. Надежней таких мужских чувств нет никаких, поэтому брак Лагутиных был счастливым и прочным – все о том говорили.

Несмотря на пристрастие к менторству, на дружбу жены со своими бывшими пациентками Лагутин взирал безучастно, не обнаруживая ни отрицания ни одобрения. Но Евдокия прекрасно знала, что бойкую Майку терпеть он не может, рассудительную Ирину считает глупой, а красавицу-Еву – мечтательной фантазеркой, если не врушей.

А какой же ей быть? Артистка, талант, натура тончайшая. Да, Ева склонна приврать, но все эти ее смешные истории о женихах так безобидны. А на этот раз она вообще ничего не придумала.

«Что же мне делать? – глядя как муж уплетает телячьи почки с беконом, спрашивала себя Евдокия. – Ева вполне убедительно объяснила откуда появляются пятна крови: разумеется, их оставляет маньяк. А кто же еще? Но Ленечка скажет, что не было крови, что Ева из тех, кто борется с прозой жизни сочинительством сказок. Скажет, что Ева стремится в центр событий любой ценой».

Осознав, что рассчитывать на помощь мужа не стоит, Евдокия принялась ломать голову чем подруге помочь.

«Не будет мне покоя, – решила она, – если Ева этой ночью одна останется. Придется уговаривать Боба, чтобы он взялся ее охранять, но как ему позвонить? Ленечка глаз с меня не спускает. А, была не была!»

– Ой! – вскрикнула Евдокия. – Ой-ей-ей! Что-то мне плохо!

Лагутин, бросив почки с беконом, с тревогой спросил:

– Что случилось?

– Кажется, меня вырвет! – давясь, сообщила она и беспомощно воззрилась на мужа: – Ленечка, что мне делать?

– Скорей в туалет беги.

– Угу! – Евдокия вскочила и понеслась.

Сломав голову влетев в туалет, она схватила сотовый и на глазах удивленной уборщицы торопливо набрала номер.

Боб откликнулся сразу. Он младшей сестрице обрадовался, но, узнав чего та захотела, воспротивился и разозлился.

– Страшные глупости! – закричал он. – Мало, что эта истеричная Ева крутит тобой, так ты еще хочешь, чтобы и я подписался нянчиться с нею! Нет, не буду! И не проси!

– А что ты скажешь, Боб, если ее этой ночью грохнет маньяк? – всхлипывая, спросила Евдокия и пригрозила: – Я тебе этого не прощу!

Борис рассмеялся:

– Она маньячка сама. У нее глаза сумасшедшие, я еще в группе заметил. Зря твой муж не взялся ее лечить.

– Ленечка говорит, что Ева здорова.

– Он ошибается.

Евдокия сменила тактику.

– Бобик, братик мой дорогой, – спросила она, – ты хочешь со мной поругаться?

Борис не мог терпеть, когда его называли Бобиком – разумеется, он вскипел и нагрубил Евдокии. Она только этого и ждала – мигом зашла в рыдания, жалобно приговаривая:

– Я тебя очень люблю, я тебя ласково называю, а ты постоянно орешь на меня. Ты меня напугал. Вот, кажется, приступ от этого начинается. Вот, я икаю уже. Ик! Ик! Ик! – старательно заикала она.

Борис всполошился:

– Не надо, Дуняша, не нервничай, я сделаю все, что ты просишь.

Евдокия прекратила икать и деловито осведомилась:

– Что, прямо сейчас к Еве поедешь?

– Да, брошу все и поеду, – пряча от сестры раздражение, пообещал Борис. – Так и быть, с риском для жизни буду маньячку твою улещать.

– Боб, ты самый лучший! – обрадовалась Евдокия. – Теперь я спокойна!

Она действительно успокоилась: если Борис обещал, значит выполнит – главное вырвать его обещание, а там уж можно не волноваться. Осталось, предупредить Еву.

- Евик, – довольная собой, проворковала она, – больше не надо бояться; к тебе едет Боб.
- Твой Борис? – удивилась Ева. – Зачем он едет ко мне?
- Охранять тебя от маньяка.
- Не смейся, Боба соплей перешибешь. Дуся, какой из него охранник?

Евдокия за брата обиделась:

– Ты не права. Боб немножко худой, но зато очень сильный. Знаешь, какой он накаченный!

– Да ну? Никогда не сказала бы.

– Да-да, он просто высокий и любит одежду просторную, вот и выглядит, словно жердь.

Это ты его голого не видала. У Боба очень красивое тело.

Ева немедленно согласилась:

– Что ж, пускай приезжает. Уж лучше с Бобом, чем одной. Не станет же этот маньяк убивать меня при свидетелях, а мужчин он не трогает.

– Вот и чудесно, – обрадовалась Евдокия, – а к утру мы с Леней вернемся, и я сразу к тебе.

– Спасибо, ты настоящий друг, – умилилась Ева, в уме перебирая уже в чем ей встретить Бориса.

«Странно, теперь и я припоминаю, у него действительно красивое тело, – вмиг забыв о маньяке, размышляла она. – И почему я раньше не обращала внимания на брата Дуси? Боб симпатичный и довольно высокий. Короче, будет чем этой ночью заняться...»

А Евдокия, разрешив проблему подруги, хотела вернуться к мужу, но, случайно глянув в окно, она увидела паршивого пса. Голодный, убогий, он прятался в кудрявом самшите под рестораном, жадно вдыхая вкусные запахи и не решаясь приблизиться к кухне. Опыт прошедших дней псу говорил, что это очень опасно. Пес был расстроен. На его унылой облезлой морде выступили все поражения тяжелой собачьей жизни.

Евдокия поражения эти прочла и прониклась сочувствием. Не задумываясь, она открыла окно и, махнув через подоконник, устремила к несчастному псу. Пес насторожился и попытался забиться поглубже в кусты, но она оказалась ловчей и преградила ему дорогу. Пес зарычал с вялой угрозой и жалобно заскулил, чем рассмешил Евдокию.

– Ну-ну, дурашка, – ласково прошептала она, погладив его плешистую шерсть своей нежной холеной рукой. – Не трать понапрасну силы. Оголодал. Где же ты раньше был, никудышный? Почему я тебя не видала, не кормила? Некрасивый, да? Никому не нравишься? Прятался, да? Обижали тебя? Людей боишься?

Пес мгновенно пошел на контакт: он вздохнул и лизнул ладонь Евдокии.

«Людей я боюсь, но ты мне мила», – говорили его глаза.

Она все поняла и скомандовала:

– Пошли!

Пес еще раз лизнул ее руку, но идти наотрез отказался: он пятился, отчаянно ввинчиваясь колючим задом в самшитовые кусты – густые кусты упруго его не пускали.

– Что ж, придется тебя на руках нести, – посетовала Евдокия и, бесстрашно прижав к себе ворчащего пса, помчалась к автостоянке, приговаривая на бегу: – Не бойся, бродяга, там еще гуще растительность. Надежно спрячу тебя, в обиде, бродяга, ты не останешься. Господи, какой же ты легкий! – ужаснулась она и, переполнившись состраданием, чмокнула в лоб паршивого пса.

Просто счастье, что не видел этого психиатр Лагутин – удар бы хватил его. Пес же, ласку учуяв, успокоился и притих. Евдокия определила бедолагу в кусты, что рядом с автостоянкой и, с улыбкой глядя ему в глаза, с нежной строгостью наказала:

– Сиди здесь, не уходи. Я скоро вернусь и тебя накормлю.

Пес ее взгляда не выдержал и смущенно отвел глаза. Но не ушел, остался в кустах. Возвращаясь бегом в ресторан, Евдокия несколько раз на него обернулась и крикнула:

– Бродяга, жди меня! Жди!

Ей показалось, что пес кивнул, мол согласен, мол буду ждать. Она успокоилась.

Глава 5

Лагутин давно пообедал и угрюмо сидел за столом, с тревогой поджидая жену. Когда Евдокия вернулась, он буркнул:

– Тебя рвало?

– Да, немного, – кивнула она.

Он нахмурился:

– Ты не беременна?

– Нет-нет, на солнце перегрелась вчера, – испуганно затрясла головой Евдокия.

Леонид Павлович категорически не хотел размножаться, объясняя это свое нежелание слишком юным возрастом Евдокии. Однако она подозревала, что виною тому ее болезнь: муж просто боится передать своим будущим детям нездоровые гены жены.

– Все в порядке, мой дорогой, я уже отлично себя чувствую, – с нежной улыбкой сообщила она.

Лагутин поверил и уже мягче спросил:

– Что же ты так долго отсутствовала?

– Взвешивалась. В туалете оказались весы, – не моргнув глазом, солгала ему Евдокия и, кивнув на свои тарелки, (нетронутые совсем) пояснила: – Есть не буду. Барашка и рыбу придется собачке отдать.

Леонид Павлович насторожился:

– Почему это вдруг?

– Ленечка, ты не пугайся. Это не симптомы болезни. Я ужасно здесь растолстела, так что, снова пора на диету.

За два года супружеской жизни Лагутин почти смирился с дурацкими диетами жены, он лишь изредка протестовал. И на этот раз мудро решил промолчать.

На самом деле Евдокия его обманывала. Она не полнела – не склонна была, но муж вский раз так пугался, видя отказ жены от еды, что она шла на хитрость: частенько ему приходилось лгать. В его возрасте трудно понять как это нет аппетита, если здоров. К тому же, Лагутин мечтал нарастить жирку на тощее тело Даши и первое время пичкал деликатесами ее сверх всякой меры. От этого у Евдокии появилось отвращение к пище, она взбунтовалась и прибегла к диетам.

Сейчас же она есть хотела, но желание накормить облезлого пса оказалось сильнее голода. Мысленно облизываясь, Евдокия опустошала тарелки в кулек и планировала перекусить где-нибудь по дороге домой.

«Я перебуюсь, зато как будет рад бедный песик», – сердобольно размышляла она.

Глядя на то, как жена собирает ресторанный обед очередной бездомной собаке, как ползается по целлофану мятный соус из-под барашка, Лагутин уже и не злился. Лишь с брезгливой гримасой сказал:

– В связи с твоим увлечением я всерьез начинаю подумывать, не покупать ли нам для этих дворняг сухой корм. Какой-нибудь Дарлинг или Педи Грипал, на мой взгляд, выглядят аппетитней.

– Вот и лопай их сам, – отправляя и рыбу в кулек, ответила Евдокия. – Дворняги не станут есть заграничную лабуду.

– Ясное дело, – саркастично заметил Лагутин, – им привычней барашек из ресторана.

– Вовсе нет, просто наши дворняги знают толк в жизни: они привыкли к натуральной еде.

– Зато ты, со своей диетой, от еды скоро отвыкнешь, – поднимаясь из-за стола, попенял Лагутин жене и строго добавил: – В автомобиле тебя буду ждать. Изволь не задерживаться. Догоняй.

– Ленечка, как ты можешь? – рассердилась вдруг Евдокия. – Когда я задерживалась? Знаешь, мне уже надоело! То дворнягами упрекаешь, то диетой, ко всему придираешься. Почему ты все время ругаешь меня?

Леонид Павлович удивился:

– Я ругаю тебя? Это ты постоянно меня ругаешь. Что ни скажу, все не так.

Она закатила глаза и громко три раза икнула:

– Ик-ик-ик! – И ту же выдала комментарий: – Ну вот, опять начинается. Придрался опять. Я уже нервничаю.

Лагутин пошел на попятную:

– Ладно-ладно, не будем.

Он поспешил расстаться с женой. Во-первых, не хотел слушать ее упреки, а во-вторых, он не мог смотреть на все эти нежности с бездомными псами.

«Уж лучше неспешно прогуляюсь после обеда и прочитаю газету», – подумал Лагутин, выходя из ресторана и направляясь к лотку, на котором продавался дежурный набор туриста: от журналов до купальников, не исключая пива и прочих, необходимых курорту продуктов.

– Купите жене шоколаду, – посоветовал осетин-продавец, протягивая газету.

Евдокия, за мужем бежавшая по пятам, застыла в надежде: «Хоть шоколаду поем, коль собачки им не питаются». Но Лагутин, хмурясь, ответил:

– Ну что вы, моя жена на жесточайшей диете.

Осетин удивился:

– А что же она ест?

– Только меня, но поедом.

Продавец рассмеялся, а Лагутин неспешно направился к автомобилю – обед из шести блюд приятно отяжелил. Он любил послеобеденные променады. Голодная же Евдокия, сглотив слюну, вихрем помчалась тайной тропой туда же, куда направлялся и муж. Только на автостоянке его ждал автомобиль, ее же – собачка.

Пес в мгновение одно расправился с рыбой, затем с барашком и, несмотря на раздавшийся бока, устоял на благодетельницу с призывной надеждой.

«Ведь это еще не все?» – говорили его глаза.

– Все, – разочаровала его Евдокия, и ей стало стыдно.

«Все так все», – пес вздохнул и покорно прилег к ее ногам.

Евдокия вдруг осознала, что не может бросить его – именно этого пса бросить не может.

– Ладно, бродяга, фиг с тобой, уговорил, – сказала она и, подхватив его на руки, поспешила к автостоянке.

Ей преградил путь охранник.

– Куда вы? – осведомился он, с отвращением глядя на паршивый, ослабленный организм, примостившийся к дорогой и симпатичной девчонке. – С этим на территорию автостоянки нельзя.

«Черт возьми! – мысленно ужаснулась Евдокия. – Вот-вот мой Леня придет!»

Нервно оглянувшись на дорогу, она захныкала:

– Что же, мне с этим здесь под солнцем стоять? Пропустите меня, пожалуйста. Мы все равно уезжаем.

Сердце охранника дрогнуло:

– Ладно, девушка, проходите.

– Ой, спасибо! – обрадовалась Евдокия, стремительно пролетая мимо него.

Она торопливо открыла дверцу автомобиля и усадила пса между передним и задним сиденьем. Достав из сумки свой свитер, она набросила его на собаку и строго-настрого наказала:

– Знаю, жарко, но ты, бродяга, не шевелись, не дыши, и боже тебя упаси залаять.

Пес покорно прилег, уложив облезлую голову на тонкие серые лапы. Из-под свитера Евдокии выглядывал только его черный нос.

– Вот и умница, – похвалила она. – Все понимаешь. Смотри же, и впредь будь таким.

Пес промолчал, даже не шелохнулся.

«Может и пронесет?» – подумала Евдокия.

Окрыленная, она села за руль и двинула с места машину. Поравнявшись с охранником, протянула в окошко талон оплаты – шлагбаум открылся. Мужа подобрала она на половине пути – он шел медленно, читая газету.

– Ты обогнала меня? – удивился Лагутин и с надменным прищуром предположил: – Собачка опять не пришла на свидание.

– И пришла, и барашка поела, – хохотнула в ответ Евдокия, перебираясь на пассажирское сидение и уступая руль мужу.

– В чем же дело? – поддерживая штанины и присаживаясь на водительское кресло, спросил Лагутин.

– Просто я все бегом. Хотела избавить тебя от похода в крутую гору. Видишь, успела к половине горы.

– Ты у меня метеор, – похвалил он жену и спросил: – Ну что, все дела сделаны? Можно отправляться домой?

Евдокия, радуясь, что номер ее удался, чмокнула мужа в щеку:

– С богом, любимый! С богом!

– С богом, – согласился он и, трогая с места машину, по-мальчишески закричал: – Ура-а! Наконец-то домой!

Однако, выехав на трассу, Леонид Павлович утратил хорошее настроение. Он посмотрел на часы и недовольно проворчал:

– Управились только к вечеру, а собирались – к обеду. И отдохнули не слишком, так себе. Ох уж, этот наш русский сервис.

Евдокия на всякий случай икнула, испуганно оглянувшись – пес сомлел и сбросил с себя теплый свитер, но помалкивал, прядая ушами опасно и настороженно.

«Ой, что тут будет, если Леня его обнаружит», – подумала Евдокия.

Она вздохнула, стараясь вызвать к себе сочувствие мужа снова икнула, и попросила:

– Ленечка, не ругайся. Я так люблю когда у тебя хорошее настроение.

– Хорошее настроение? – удивился Лагутин. – Да откуда же ему взяться? Ехали на двенадцать дней, а притащили целых пять чемоданов! А увозим уже семь и еще коробки, баулы...

Речь его обрывая, зазвонил телефон Евдокии.

– Вот, пожалуйста! – взорвался Лагутин и сам себе приказал: – Тебе, Леня, лучше заткнуться.

– Ленечка, милый, – пропищала жена, – пожалуйста, разреши мне ответить.

– Да кто запрещает тебе? Говори!

Евдокия глянула на табло и сообщила:

– Это Борис.

Лагутин вздохнул с облегчением:

– Хоть в чем-то мне повезло.

К шурина он относился с симпатией и уважением: Боб не станет на каждом перекрестке трещать, что их в городе нету.

Получив разрешение мужа, Евдокия легла ухом на трубку и радостно закричала:

– Боб, ты где?

– Еще спрашиваешь? – удивился Борис. – Где, по-твоему, я могу находиться?

Евдокия, старательно опуская имя подруги, приступила к допросу:

– Боб, ну как? Как там вообще? Ты там все осмотрел?

– Слушай, сестренка, тут такое странное дело...

Смущенно крикнув, Борис замолчал.

– Боб, какое дело?

– Снова кровь, – растерянно констатировал он.

– Какой ужас! – схватилась за сердце Евдокия. – Ты сам ее видел?

– Да, кровь на клавишах. Опять проступила. Теперь я видел своими глазами. Похоже, на этот раз твоя подруга не врет.

– А где она?

– Ужин готовит.

– А где ты?

– Как дурак сижу перед роялем.

– Зачем?

– Жду, когда кровь снова проступит, – смущенно сообщил Боб и вдруг всполошился: – Все, больше я говорить не могу. Ева идет.

– Боб, ты мне еще позвонишь? – беспокоилась Евдокия.

– Хорошо, позвоню, – согласился Борис.

«Замучает братца», – подумал Лагутин и, строго взглянув на жену, спросил:

– Скучно тебе?

Она кивнула, признавшись:

– Я всегда скучаю, если не с кем поговорить.

Леонид Павлович жене посочувствовал:

– Да, я плохой собеседник, когда за рулем.

«И когда не за рулем – тоже,» – подумала Евдокия, но высказать мысль не рискнула. Тем более, что Лагутин был настроен миролюбиво.

– Дашенька, может приляжешь? – заботливо предложил он. – Давай остановимся и устроим тебя на задних сидениях на подушках.

– Нет-нет, не надо, – поспешила отказаться Евдокия, испуганно вздрагивая.

Ей вдруг почудилось, что пес шевельнулся. Она в смятении оглянулась – тревога была ложной. Улавливая опасность, пес вел себя очень смирно. Свернувшись в грязный клубок, он уткнулся облезлой мордой в велюр заднего кресла и одним только глазом транслировал на Евдокию свою безграничную благодарность.

Опасливо покосившись на мужа, она повторила:

– Нет-нет, я совсем спать не хочу.

– А напрасно, ты явно устала. Надо бы тебе отдохнуть, – качая головой, произнес Лагутин.

Он было собрался развлечь жену очередной лекцией на тему как надо беречь здоровье, но опять зазвонил мобильный.

– Это Боб! – обрадовалась Евдокия и тут же сникла: – Это не Боб.

Леонид Павлович, не сводя глаз с дороги, раздраженно спросил:

– А кто же это?

– Это Майка, но ты все равно не разрешишь мне с ней поболтать.

– Да болтай уже с кем хочешь, – сжалился Лагутин и с усмешкой добавил: – Болтай, раз мы едем домой, во что я никак не могу поверить.

Но жена его уже не слышала – в одно мгновение трубка была извлечена из ее кармана, и Майя сходу застрочила:

– Дуська, ты где? Короче, делюсь только с тобой! Это полный улет! Стопроцентный отпад! В сексе он каскадер! Даже хуже, десантник! На бабу идет как на врага: яростно и иступленно! Ой, что было у нас! Это просто коррида! Экстремальная страсть! Мы решили остаться! Не хотим возвращаться в город!

– Что, в роще решили заночевать? – опешила Евдокия, опасливо покосившись на мужа.

Внутренний голос ей говорил, что Лагутину речи подруги вряд ли понравятся. Однако муж смотрел на дорогу – и ухом он не повел, а вот Майка болезненно на вопрос отозвалась.

– Что? В Роще? Ну, Дуся, ты у меня простая! С чего ты взяла, что я люблю на соломе? Охота была пиписку колоть! Мы шашлычки пожарили и заполировали их хорошим винцом, а знакомиться начали уже в приличном мотеле...

Евдокия, краснея и вжав голову в плечи, приготовилась слушать чудовищные откровения прямо в присутствии мужа. Сексуально озабоченная Майя постельные темы любила и подробнейше их смаковала, но на этот раз Евдокия зря испугалась. Майка, вдруг себя обрывая, и, словно опомнившись, закричала:

– Ой, Дусь, я че звоню. Треньки мне прямо сейчас на мобилу.

– Зачем? – опешила Евдокия.

– Да мобилу я потеряла свою, а там у меня записная книжка...

– Откуда же ты звонишь?

– С телефона, что в нашем номере. Понимаешь, потрясно удобный момент: он умаялся, в душ пошел, а у меня память ни к черту – только твой номер и помню, а тут приключений тьма! От впечатлений меня распирает и, как назло, мобилы с книжкой нет под рукой! Выручай поскорей, подружка!

– Ну ты, Майка, и бестолковая, – подивилась Евдокия. – Зачем на меня время тратила? Сама себе и звонила бы.

– И что?

– Сотовый зазвенит, а ты по звуку его обнаружишь.

Майя пришла в восторг:

– Дуська, ты гений! Как я не сообразила? Но все равно, я звонила не зря. Должна же и ты знать как мы потрахались.

Сообщив эту «потрясную» новость, Майя переключилась на других подруг и знакомых, но телефон Евдокии не остался без дела: в тот же миг зазвонил снова.

Леонид Павлович, покачав головой, проворчал:

– Ну, началось.

Евдокия его успокоила:

– Это Борис.

– Опять? – удивился Лагутин.

– Я же его просила, – напонила Евдокия. – Или ты против?

– Да нет, говори.

– Большое спасибо.

Голос брата был глух и даже напуган:

– Слушай, Дуняша, еле к тебе дозвонился: все занято и занято...

– Я с Майкой болтала, – просветила его Евдокия и, переходя на шепот, спросила: – Ну как?

И Борис перешел на шепот:

– Даже не знаю как тебе и сказать. Зрелище жутковатое.

Евдокие вспомнился сон. Она снова оказалась на той же улице, босиком и в ночнушке, и почему-то в тех же кустах. Незнакомец был тоже там. Он теперь не рыдал, просто сидел под луной в глубокой задумчивости, явно витая в каких-то других местах. Евдокия к нему подошла вплотную. Он ее не заметил и очнулся, лишь услышав вопрос.

– Почему вы опять на моем месте сидите? – спросила она, чем изрядно испугала беднягу.

Он дернулся и вскочил, но ответил:

– Я вас жду.

– Ждете? Меня?

– Да.

– Зачем?

Мужчина удивленно пожал плечами:

– Сам не знаю. А вы здесь почему?

Настала очередь Евдокии:

– Не знаю сама, – сказала она, тоже пожимая плечами. – Ноги меня принесли.

Ей захотелось проверить из плоти ли он. Евдокия сделала жест, собираясь коснуться пальцем плеча незнакомца – он проворно отпрянул и, пятась в кусты, воскликнул:

– Нет! Не надо!

В глазах его был запредельный ужас.

Она растерялась:

– Не надо? Но почему? Я же ваш сон.

– А нож настоящий, – прошептал незнакомец, уставившись куда-то ниже ее лица.

Проследив за его испуганным взглядом, Евдокия наткнулась на нож и похолодела.

Нож сжимала ее рука!

Уверенно!

Профессионально!

– Откуда это у меня? – растерянно спросила она.

– Вот именно, что откуда! Я собирался поинтересоваться еще в прошлый раз, но не решился, – признался молодой человек.

– В прошлый раз?! – ужаснулась Евдокия. – Вы хотите сказать, что я и в прошлый раз гуляла с ножом? Здесь? Под луной?

Он ответил:

– Как ни странно, но да. Вы гуляли.

– Это кошмар! – воскликнула Евдокия, поворачивая домой, но с ножом не расставаясь.

– Куда же вы? – позвал незнакомец.

– Вы забыли, я – сон, – съязвила она.

– Да, вы мой сон.

– Тогда попробуйте меня остановить, – ответила ему Евдокия и... проснулась.

Глава 6

Отправляясь к Еве, Борис был настроен скептически. Если бы не болезнь сестры, он вообще не пошел бы, так Ева была ему неприятна. Пожалуй, даже была ему отвратительна.

И не потому, что она частенько врала – как умный мужчина, Борис не считал большим недостатком если женщина склонна ко лжи. У мужчин своя ложь, у женщин – своя.

И не потому, что Ева заносчива – он сам был заносчив.

И не потому, что фальшива – в этом он находил даже шарм.

И не потому, что сплетница и распущенна. И не потому...

Что отталкивало его в красавице Еве, на самом деле Борис не знал, но теперь, отправляясь к ней в гости, он вынужден был копаться в себе, чтобы определиться с тактикой поведения – хочешь-не хочешь, а придется с этой развязной девицей общаться.

Прекрасно образованный Борис был склонен и к самоанализу, и к анализу, и вообще, он любил философствовать.

«Раз уж сестрица приправила мне объект, постараемся с пользой потратить время, – решил он. – Что ж, посмотрим, побачим поближе, кто она, эта Ева. Выведем врушку на чистую воду, а заодно и простофиле Дуняшке глаза откроем. Хороший человечек сестренка моя, но слишком доверчивая...»

С такими мыслями Борис подошел к квартире и потянулся к звонку, но на кнопку нажать не успел – дверь распахнулась.

– Я на балконе поджидала тебя, – приветливо улыбнулась Ева и, делая шаг назад, пригласила: – Боб, прямо в обуви в холл проходи. Я тебе очень рада.

Бориса она ошеломила. Видел он фифочку эту не раз: и в группе и позже, у Евдокии. На пару с Майкой, обе они были из тех обольстительниц-женщин, у которых греховные мысли во всем: в походке, в прическе, в мимике, в жестах, в улыбке, в словах, не говоря уже об одежде. Такие не ходят, не сидят, не едят и не живут – они себя предлагают.

Но на этот раз Ева была другой. Встреть он подругу Дуняши не здесь, не в ее же квартире, мимо прошел бы, совсем не узнав – так она изменилась. Кокетства ноль. Потертые джинсы, мужская рубашка, волосы кое-как собраны в хвост и карандаш рассеянно грызется в зубах – задумчива и серьезна.

«Охотно сходил бы с ней в... библиотеку», – поймал себя на мысли Борис.

Ева же поймала на себе его взгляд и хищно отметила: «Впечатление произвела. Мой „ботаник“!»

Что-то вспыхнуло между ними, загло их сердца.

Она удивилась. Он смутился.

И подумал: «Что это я так грубо на подругу сестры упиялился?»

И, чтобы скрыть свой конфуз, развязно спросил:

– Так что тут за ужасы?

И вновь сюрприз: Ева смутилась и покраснела – от нее он такого не ожидал. Всегда она казалась ему неисправимой нахалкой, а тут...

– Боб, может не надо? – с мольбой попросила Ева. – Дуська – сумасшедшая добрячка, и ты потрясный человек. Бросив свои дела, по первому зову примчался ко мне, а кто я тебе? Просто знакомая. Прости, Боб, что время твое заняла. И тебе, и Дуське, я вам за все благодарна, но лучше справлюсь с этим сама.

Таким заявлением Ева окончательно отрезала Борису пути к отступлению.

– А в чем дело? – озадаченно поправляя очки, спросил он. – Почему ты, собственно, отказываешься от моей помощи?

– Ну-уу, мне неловко. Я знаю, ты занятой...

Он поспешил сообщить:

– У меня много лишнего времени.

– И потом, ты мужчина, а мужчины обычно в такие вещи не...

Она запнулась и опять покраснела.

«Бойся моего скептицизма, бойся, что врушкой ее назову», – догадался Борис и неожиданно понял какая черта настораживала его всегда в Еве. Настораживала и даже отталкивала.

«Она же болезненно самолюбива, – прозрел он. – Самолюбива до умопомрачения и так же обидчива».

Борис опасался таких людей: никогда не знаешь где их ущемишь. Будучи человеком наблюдательным, он сделал вывод: обидчивость – самая опасная в человеке черта. Не подлость, не жадность, не зависть и не безнравственность даже – все эти качества быстро себя обнаруживают, а вот болезненное самолюбие и обидчивость так умеют маскироваться, что узнаешь о них только тогда, когда уже слишком поздно. Еще наивно держишь человека в друзьях, а он давно уже ненавидит тебя лютой ненавистью и только того и ждет, когда ты спиной к нему повернешься – мгновенно с радостью всадит нож.

Вот что Борис знал с высоты своего двадцатилетнего опыта. Опираясь на этот опыт, он пронизательным взглядом окинул Еву – она была смущена, теребила рубашку дрожащей рукой и боялась. Явно боялась, но не маньяка, а самого Бориса, его насмешек, неверия...

Он еще раз отметил: «Жутко самолюбива. Самолюбива и обидчива. Несомненно».

Но это его почему-то уже не отталкивало.

«Глаза у нее очень добрые, значит отходчива. Чрезмерное самолюбие и злопамятство, вот какое сочетание опасно», – успокоил себя Борис и сказал:

– Я тебе верю. Показывай.

Ева облегченно вздохнула и развела руками:

– А показывать-то и нечего. Я вытерла клавиши.

– Тогда покажи свой рояль.

– Пожалуйста, пойдем в кабинет.

Войдя в комнату, Борис первым делом обратил внимание на открытый балкон. Он действительно уже поверил Еве, но в чудеса все еще поверить не мог.

– Я живу в этом доме давно и всех своих соседей знаю, – упредила она его вопрос. – Если маньяк и проник через балкон, то или тайком, или зайдя к тете Маше в гости.

– Почему к тете Маше? – удивился Борис.

– А с другой стороны живет инвалид. Он даже дверь никому не открывает.

– Но кто-то за ним ухаживает?

Ева кивнула:

– Да, его дочь, но она всего два раза в неделю заходит и всегда одна.

– Ладно, давай осмотрим рояль.

Осмотр рояля не дал ничего – следов крови нигде не было. Борис даже начал уже сомневаться, была ли вообще эта кровь, но, вспомнив про обидчивость Евы, он спохватился и, деловито потирая руки, сказал:

– Надо понаблюдать.

– Боб, мы что, будем здесь сидеть?

– А почему бы и нет?

– А может лучше пойдем в столовую и выпьем по чашечке кофе, – предложила Ева.

– Так поздно я кофе не пью, а вот от стакана сока не отказался бы.

Она обрадовалась:

– У меня есть сок!

– Да-а? Какой?

– Выбор огромный, фрукты из нашего сада. Мама стряпуха отменная.

Ева оказалась гостеприимной: к соку нашлись и варенье ореховое, и прочие сладости маминого приготовления. Борис сладкого не любил, но ел, опасаясь обидеть хозяйку, а Ева радушно его угощала.

– Ой, я же забыла! – вдруг хлопнула она себя по лбу. – У нас же еще есть варенье из роз. Боб, ты когда-нибудь пробовал?

– Из роз?

Он задумался: «Не стошнит ли?»

– Боб, из розовых лепестков, я сейчас принесу, у нас три банки осталось в кладовке. Если понравится, одну тебе подарю.

Не успел он ей возразить, как оживленная Ева вспорхнула из-за стола и умчалась. Борис вскочил с намерением ее остановить – столько сладкого ему не осилить – но напоролся на жуткий визг. Бросился в кабинет – там визжала Ева. Визжала, пятясь от рояля.

– Боб! Кровь! Снова кровь!

Он придирчиво смерил глазами расстояние от девушки до рояля и до книжных шкафов: «Да нет, я вылетел сразу за ней: разрыв был три-четыре секунды. В руках у нее не было пузырька и зацепить его было негде. Она едва-едва успела добежать до рояля...»

– Ева, а почему ты мимо рояля прошла? – заглушая ее визг, прокричал он.

Она замолчала и, упав к Борису на грудь, разрыдалась. Плакала, обхватив его шею руками. Это было так неожиданно, что он растерялся. Ее была нервная дрожь; его мучал вопрос: что она делала в кабинете? Зная ее обидчивость, Борис с вопросом повременил – гладили ее по плечам, приговаривая:

– Успокойся, я здесь и в обиду тебя не дам.

– Я от с-страха у-умру, – всхлипывала она.

Так продолжалось довольно долго: Ева убирать свою голову с груди Бориса не спешила. Он уже начал было подумывать как бы потактивней ей объяснить, что пора бы и к роялю приблизиться да рассмотреть эту странную кровь, как вдруг Ева сама прекратила поливать его грудь слезами и, отходя на шаг, прошептала:

– За роялем кладовка. Мы часто ходим туда.

Борис внимательно присмотрелся и обнаружил дверь. Он сразу ее не заметил потому, что дверь была оклеена теми же обоями, что и стены.

– Ты крышку рояля не закрывала? – спросил он.

Ева испуганно потрясла головой:

– Нет. Вообще-то, я аккуратная и раньше всегда закрывала, чтобы клавиши не пылились, но с тех пор, как эта кровь появляться стала, я почему-то перестала рояль закрывать. Это будто гипноз. Всякий раз, проходя мимо, смотрю на клавиши и ничего не могу поделать с собой.

Объяснение показалось ему логичным, и недоверие снова ушло.

– Понятно, – кивнул Борис, склоняясь над роялем и разглядывая крупные багровые пятна. – Похоже на кровь, но может быть и что-то другое. Ты говорила Дуняше, что раньше здесь была лужица.

– Да, сначала была капля, потом – много капель, а потом лужица и целая лужа.

– А теперь снова капли. Почему? С чего такая экономия? У маньяка кончается кровь? – Борис с улыбкой взглянул на Еву.

Она нахмурилась:

– Боб, мне не до шуток.

– А по-моему, надо просто закрыть балкон, что я прямо сейчас и сделаю. Не возражаешь?

Ева не возражала. Тщательно (на все шпингалеты) закрыв балконную дверь, Борис озорно подмигнул и сообщил:

– Говорят, что сладкое аппетит перебивает, но лично я зверски проголодался, отведав твоих варений. Надеюсь, в доме найдется немного еды?

– Ой, я ужин сейчас приготовлю, – всплеснула руками Ева.

Глава 7

Всякий раз, пообщавшись с братом, Евдокия попропитывалась его скептицизмом. Здравомыслие, трезвая логика Боба, его умение подбирать аргументы опускали ее на землю. Недавно еще она верила в то, что Ева не лжет, но, послушав рассказ брата, уже усомнилась – так эта история с кровью была похожа на розыгрыш.

– Боб, а Ева не дурит тебя? – спросила она и удивилась, услышав в ответ:

– Нет, не дурит. Во-первых, она от страха дрожит и даже рыдала у меня на плече...

Евдокия напонила:

– Боб, она артистка. Если ей надо, она какой угодно прикинется: и напуганной, и счастливой.

Борис, морщась, вынужден был признать, что ему неприятно слышать такое про Еву. От сестры он скрыл этот факт, но от себя-то не скроешь. Поэтому его возражение прозвучало слегка раздраженно:

– Дуняша, ты не права, здесь все гораздо сложнее. Согласен, в первый раз она как-то могла успеть капнуть кровью на клавиши, но во второй-то раз я глаз с нее не спускал. Она хлопотала на кухне, ужин готовила...

– Что-о?

– Ужин готовила.

– Да-а?

Сообщение брата потрясло Евдокию – пожалуй, даже больше истории с кровью. Ева была известной лентяйкой и неумехой. Единственное, что она сносно умела делать, так это выколачивать своими длинными пальцами из рояля какие-то звуки. Порой, даже волшебные звуки – в остальном же Ева полный профан.

– Боб, не ешь у нее ничего, – испуганно предостерегла Евдокия. – Еву я очень люблю, но не доверю ей даже пожарить глазунью. Даже укроп не доверю с грядки сорвать. Она совершенно не умеет готовить. Она вообще ничего не умеет.

Теперь удивился Борис:

– Да ну! А мне она сказала, что любит шить, вязать, а в стряпне просто фанатка.

– Не может быть! – поразила Евдокия.

Борис рассердился:

– Выходит, я лгу?

– Не ты...

Она растерялась и, заподозрив неладное, настороженно спросила:

– Боб, а как Ева все это время себя вела?

Борису вопрос не понравился.

– Как порядочная женщина, – буркнул он.

– Это как?

Он понял, к чему сестра клонит, и окончательно разозлился:

– Ты не знаешь как ведут себя порядочные женщины?

– Откуда мне знать?

– Они провоцируют, но не дают, – рявкнул Борис, чем окончательно Евдокию расстроил.

– Значит я не порядочная, – пропищала она.

Ему стало смешно:

– Что, совсем не даешь?

– Нет, не провоцирую.

– Не провоцируешь? Нужели сразу даешь? – шутливо испугался Борис, поддразнивая Евдокию.

– Иди ты к черту, пошляк! – рассердилась она. – Что ты себе позволяешь?

– Что?

– Ты не забыл? Я твоя младшая сестра, а ты меня гадостям учишь.

– Гадостям?! Ха! Учитывая, что я не женат, а ты давно уже замужем, нужно подумать кто кого раньше научит. Как раз брак и кишит всеми гадостями, – парировал Боб и миролюбиво добавил: – Ладно, Дуняша, хватит нам цапаться.

– Никто и не цапается, всего лишь хотела предостеречь тебя, братец: смотри в оба, как бы дурака из тебя не слепили. Кое-кто это очень умеет, хоть и не скульптор, а музыкант.

– Я понял, о ком идет речь, но Ева ведет себя скромно. И ей не до меня. Говорю тебе, кровь действительно появляется на этих чертовых клавишах. Уже третий раз. Когда Ева готовила ужин...

Евдокия фыркнула, но промолчала.

– Когда Ева готовила ужин, – настойчиво повторил Борис и мягко продолжил, – я сделал вид, что хочу помыть руки, но завернул в кабинет вместо ванной.

– И что?

– На клавишах снова была кровь.

Хмыкнув, Евдокия спросила:

– А балконная дверь?

– Закрыта.

– Ужас какой! – против своего желания содрогнулась она.

Борис согласился:

– В том-то и дело. Кстати, Ева об этом не знает. Кровь я вытер, ничего ей не сказав.

– А потом? Что было потом? – нетерпеливо воскликнула Евдокия.

– Потом мы ужинали.

– Ха-ха!

Борис раздраженно повторил:

– Да! Мы ели!

– Что?

– То, что она приготовила!

– И как?

– Очень вкусно! – бодро заверил Борис.

Евдокию передернуло.

– Брр! Может скажешь, что это было? – брезгливо поинтересовалась она.

– Котлеты по-киевски. И ты, сестренка, совсем неправа: Ева отлично готовит.

– Ева отлично дурит тебя, – не скрывая торжества, сообщила Евдокия. – Даже обезьяне под силу достать готовую котлету из вакуумной упаковки и сунуть ее в микроволновку.

– Выходит, и Ева что-то умеет, – рассмеялся Борис, – выходит, и она на что-то способна.

– Тебе виднее, – ядовито заключила Евдокия.

– Сестренка, ты злючка.

Евдокия подумала: «Вижу, вы спелись, мои котлеты ты никогда не хвалил».

Но упрекнуть брата вслух она не решилась – не посочувствует, засмеет.

– Это странно, – удивился Борис, – не даешь мне сказать ни слова. Вот и пойми этих женщин. Речь о жутких вещах, а сестрицу мою беспокоят котлеты. Почему ты всегда зависаешь на пустяках? Тебе что, не интересно про кровь?

– Уже не интересно!

– Почему?!

– Я абсолютно уверена, что Ева всех нас искусно дурит, – отрезала Евдокия. – Осталось выяснить, зачем ей это понадобилось.

– Так давай выяснять.

– А я чем, по-твоему, занимаюсь? Это ты зависаешь на мелочах: капли, лужицы – все ерунда. Истина только в котлетах!

– Вот она, женская логика! – поразился Борис. – Убей, не пойму о чем идет речь. Дуня, куда ты клонишь?

– Если дашь мне два-три часа, я тебя просвещу, – заверила Евдокия, чем привела брата у ужас.

Он завопил:

– Нет-нет! Не сейчас! Давай, лучше я тебя просвещу.

– Бесполезно, – не согласилась она. – Твой разум молчит, после котлет в тебе остался только самец.

Борис обиделся:

– Почему это?

– Мясо способствует созданию адреналина, а уж Ева знает на какие подвиги направить этот гормон.

– Слишком ты стала начитанная.

– Не забывай: мой муж медик, – напомнила Евдокия. – Поэтому я могла бы продолжить, каким непоправимым химическим изменениям теперь подвергнется твой организм после зло-счастной котлеты.

– А может быть лучше продолжу я, ведь я начал первым.

– Так и быть, попробуй, – сжалилась сестра.

– А тут и пробовать нечего. После ужина раздался телефонный звонок...

– Соседка!

– Соседка.

Евдокия немедленно встала:

– Представляю чего ты наслушался.

– Да, женщины немного поговорили, – мягко согласился Борис.

– Немного? Ах да, минут сорок болтали, не больше, меня же ты упрекать начинаешь уже в первые секунды разговора с подругой.

– Ева отправилась открывать дверь соседке, – не обращая внимания на очередную ремарку сестры, деловито продолжил Борис, – я же времени не терял. Заметь, перед этим мы с Евой находились в одной комнате и ни на секунду не расставались. Так вот, Ева пошла к соседке, а я снова метнулся к роялю.

– И что?

– Опять кровь на клавишах.

– А Ева?

Борис рассердился:

– Что – Ева?

– Ева-то где?

– Сейчас?

– Ну конечно!

– Она в столовой, с соседкой беседует, а я, пользуясь этим, тебе звоню. Дуня, здесь чер-товщина какая-то: опять (уже в третий раз!) на клавишах кровь. Заметь, Ева снова об этом не знает.

– Это ты так думаешь, – ехидно встала Евдокия.

– А как еще я думать могу, если мы с ней не расставались? Дуня, пойми, Ева на кухне была, потом в столовой. Она стопроцентно в кабинет не ходила.

– Боб, не хочу тебя обижать, но иногда ты бываешь ужасно рассеянным...

– Не смей делать из меня дурака! – вспыхнул Борис. – Или ты забыла, что я здесь по твоей просьбе?! Сначала ты впутываешь меня, а потом... Ты что, издеваешься?

Евдокия пошла на попятную:

– Ладно-ладно, пусть так, как ты говоришь, но от меня-то чего ты хочешь? Ведь не за тем же ты мне звонишь, чтобы впечатлениями поделиться.

– Само собой, не за тем. Дуняша, мне нужен совет врача.

Она испугалась:

– Речь о муже?

– Да, я хочу эту кровь сдать на анализ. Чья она: животного или человека? Или это вообще не кровь. Короче, Леня рядом?

– Да.

– Тогда передай, пожалуйста, трубку ему.

Затея совсем не понравилась Евдокие.

– Об этом не может быть речи! – закричала она, с ужасом представляя, что Лагутин узнает о деятельности, которую жена развернула за мужней спиной, нарушив все свои обещания и его запреты.

Борис удивился:

– Не может быть речи? Почему?

– Сейчас объяснить я тебе не могу, но поверь (умоляю!) на слово: у меня от этого могут быть неприятности. И очень большие. Вплоть до развода, – воскликнула Евдокия, нарочно сгущая краски.

Но разве этим Бориса проймешь – каким-то разводом. В развод-то он и не поверил:

– Глупости, пустяки. Леонид Палыч поймет. Он трезво мыслит, тем более, что я сам ему все объясню.

«Ха! Трезво мыслит и потому в кровь на клавишах непременно поверит – вот она, хваленая мужская логика!» – подивилась Евдокия и заявила:

– Как раз твоего объяснения мне слышать и не хотелось бы. Я не позволю с ним говорить.

– Ладно, обойдусь без тебя, – разозлился Борис и чертыхнулся: – Черт возьми, зря только время потратил! И это моя родная сестра! – сокрушился он и спросил: – От кого же еще мне ждать помощи?

– Боб, миленький, ты пойми...

Но Евдокия не успела оправдаться перед братом: он прекратил разговор, не стал ее слушать. Трубку она укладывала в карман с таким рассеянным видом, что Лагутин тревожно спросил:

– Что-то случилось?

– Нет-нет, все в порядке, – вздрогнув, поспешила ответить она и нервно оглянулась на пса.

Пес не шевелился и почти не дышал.

В его желудке (тесном от частого голода) тяжелел ресторанный ужин. Ничего подобного пес не едал даже во времена своего младенчества – когда он не ходил, а катался толстым смешным клубком и с изумлением пробовал взрослую пищу. Он тогда был прелестным молочным щенком, забалованным щедрым братом-туристом.

Теперь же, когда пес запаршивел – редко еда ему перепадала, все больше тычки, тумачи...

«Не начал бы он храпеть, – с опаской подумала Евдокия. – Обожрался и вот-вот заснет. Эх, и зачем я только с ними связалась: и с псом этим шелудивым, и с чокнутой Евой? Плохо вышло и там, и там. Того и гляди нарвусь на скандал! Ох нарвусь!»

В лад ее мыслям Лагутин спросил:

– Если я правильно понял, Боб сейчас у твоей подруги?

– Вроде, да.

Он удивился:

– Вроде? Ты что, не уверена?

– Я уверена! Да! Боб у Евы! – взвизгнула Евдокия.

– А почему ты злишься? – поразился Лагутин. – Часами по сотовому болтаешь, разоряешь меня, я молчу, а ты еще злишься? Даша, где справедливость?

Она сникла:

– Я устала, Леня, прости.

– Устала и поругалась с Бобом, – догадался он.

– И поругалась.

Лагутин усмехнулся:

– Оказывается, моя доброта тебе впрок не идет, оказывается, по телефону болтать не всегда полезно.

Едва успел он это промолвить, как сотовый вновь зазвонил.

– Кто же на этот раз? – нервно спросил Лагутин.

Евдокия вздохнула:

– Ирина-аа. Из Парижа. Что мне делать? – Она воззрилась на мужа. – Если ты против, я не отвечу.

Он отмахнулся:

– Делай как знаешь, мне все равно.

– Но потом не говори, что я тебя разоряю, – проворчала Евдокия, извлекая из кармана трубку.

Ирина подробно про всех спросила. Особенно Майя почему-то заинтересовала ее, точнее, очередная интрижка подруги.

Евдокия, чтобы не выглядеть дурой, не стала рассказывать про ужасы Евы – кто его знает как там оно: что правда, что неправда, пойдя, разберись. Поэтому и она с охотой напирала на Майю, расписывая ее новый успех. Когда же дело дошло до «экстремальной страсти-корриды», Ирина ее удивила.

– Майка что же, к себе в дом привела полузнакового мужика? – строго спросила она. – А на маньяка нарваться Майка уже не боится?

– Майка шутит: «Где он, этот маньяк! Дали бы мне его!» – рассмеялась в ответ Евдокия. – Помнишь тот анекдот, где за групповое изнасилование грузина судили? Судья интересуется: «Подсудимый Чавадзе, вы признаете свое участие в групповом изнасиловании?» Грузин: «Нэт!» Судья: «Группа изнасилованных, встаньте!» Вот так и наша Майка. Дай ей волю, она всех маньяков враз изнасилует. Ой! Я, кажется, увлеклась! – опомнилась Евдокия.

Испуганно покосившись на мужа, она прикусила язык, Лагутин же усмехнулся и покачал головой:

– Ну у вас, девочки, и разговоры. Ладно ты, но Ирина, сорокалетняя женщина.

– Ленечка, ты прости, но подслушивать тоже нехорошо.

– Подслушивать? Ты так громко кричала, что я начал переживать за свои перепонки.

– Больше кричать не буду, – Евдокия виновато пожала плечами и перешла на шепот, обращаясь уже к подруге:

– Ты не волнуйся, Майка ночует в гостинице.

После ее сообщения, Ирина окончательно разволновалась.

– Что-о? В гостинице? В какой? – запричитала она.

– Не знаю, в каком-то отеле. А ты на сотовый ей позвони, – посоветовала Евдокия.

– Именно так я и сделаю! – сердито пообещала Ирина. – И, уж поверь, сладко ей точно не станет! Нет, ну надо же! Бесшабашность какая!

И, продолжая ругаться, она повесила трубку, чтобы наверняка тут же набрать номер Майки.

«Вот кто получит сейчас разгон, – мысленно позлорадствовала Евдокия. – Вот пускай Майка Ирке теперь и расскажет какая у них там „коррида“. Степенную Ирку такими страстями никак не проймешь».

Глава 8

– О! Это то, что нам нужно! – радостно сообщил Лагутин, жадно поедая глазами убегающую вдаль ленту дороги. – Кажется, придорожный рынок. Даша, ты видишь?

– Где?

– Там, впереди показался.

– Ты хочешь остановиться? – встревожилась Евдокия.

– А почему бы и нет? Даша, ты же любишь дорожные рынки. Это здорово! Купим меду, фруктов, орешков, – начал было уговаривать Лагутин жену, но спохватился: – Ах да, я забыл, ты теперь на диете...

– Именно, – уныло подтвердила она.

– Но ничего, – вновь приободрился Лагутин, – купим в дорогу воды. Про воду-то мы забыли.

– Ну почему, я бутылку взяла...

Он отмахнулся:

– Что такое одна бутылка.

– Хорошо, давай остановимся, – вынужденно согласилась Евдокия и в который раз тревожно оглянулась на пса: «Как там, бродяга?».

Бродяга приоткрыл один глаз. Ошеломленный ее щедростью и гостеприимством, пес в счастье свое плохо верил и старался не подкачать, отзывчиво понимая озабоченность своей покровительницы: она нервничает и явно побаивается мужчину, сидящего за рулем.

Пес догадывался, что этот мужчина не подозревает о нем.

Более того, пес предполагал, что мужчина ему и не обрадуется.

Незаметным кошмарным комком пес лежал в прохладе автомобиля, среди чистейших велюров, среди верблюжьих подушек, среди запахов изобилия...

Он прекрасно знал как пахнут туристы и ценил свой успех. Куда везут его, было ему все равно. Его хозяином мог стать любой, кто не поскупится на ужин. Евдокия не поскупилась, и теперь пес готов был умереть за нее. Разумеется, не сейчас. Потом, позже, когда переварится рыбка и барашек под мятным соусом. Теперь же пес засыпал – сладкая томная дрема окутывала его.

«Только этого мне не хватало, точно сейчас захрапит, – встревожилась Евдокия. – Или Леня заметит бродягу, когда будет садиться в машину».

– Хорошо, остановимся, – вздыхая, сказала она, – но, Ленечка, я тебя умоляю, давай вплотную к прилавкам подкатим и не надо, не надо, пожалуйста, выходить. Из машины побыстрому скупимся и дальше поедем.

Леонид Павлович удивился:

– Почему?

– Ночь на носу. Если ты выйдешь, выйду и я, не утерплю, а уж как меня вытащить с рынка ты, милый, знаешь.

– Знаю, – мгновенно согласился Лагутин. – Хорошо, скупимся, не бросая руля.

Автомобиль, шурша колесами, медленно подкатился к прилавку.

– Здравствуйте, люди добрые! Чем можете нас побаловать? – жизнерадостно поинтересовался Лагутин.

Он любил иногда побалагурить на рынке. Спеша на его призыв, «люди добрые» устремились к машине: кто с орехами, кто с овощами, кто с горячими блюдами.

«Вот орешки! Ядреные! – А вот помидорчики, только что с грядки! – А вот пицца, с мясом и сыром, пахучая да вкуснющая! – А вот картошечка в маслице! С лучком и укропом!» – перебивая друг друга, кричали они.

Увидев румяную пиццу, картошечку да укроп, Евдокия сглотнула слюну и подумала: «Боже, какая же я голодная!»

А Лагутин в ответ замахал руками:

– Спасибо-спасибо, я сыт!

– Сыты вы – купите жене! – бойко последовало в ответ.

Евдокия воспряла и оживилась, но муж отклонил и это аппетитное предложение:

– Нет-нет, жена моя на диете. Она не ест ничего, кроме меня, – повторил он уже имевшую успех шутку и добавил: – Но зато меня уж ест поедом.

Продавцы рассмеялись и спросили:

– Так чего ж вам тогда, господин?

Лагутин локонично ответил:

– Воды.

Нашлась и вода – пару бутылок в бардачок загрузили и продолжили путешествие.

«Мама моя дорогая, есть-то как хочется!» – подумала Евдокия, провожая пиццу прощальным, полным трагизма взглядом.

Аромат сыра и лука распространялся такой, что даже пес взволновался. Однако, не слишком – носом повел и опять задремал.

«Конечно, – вдруг обиделась на него Евдокия, – слопал рыбку мою, барашка, попробуй теперь пиццей его удиви, а я рада была бы и пицце. Даже корочке хлеба была бы рада, да какой там...»

Впрочем, тут же она и порадовалась: «Слава те, господи, что не разоблачили меня и тебя, бродяга. Леня, бедный, сойдет с ума, если увидит, кто с нами едет».

Но радость Евдокии была преждевременна, как выяснилось чуть позже.

Леонид Павлович вдруг спросил:

– Почему ты все время оглядываешься?

Евдокия подпрыгнула, фальшиво икнула и зарделась:

– Я оглядываюсь? Тебе показалось.

– Ну да, по-твоему я дурак и слепой, – проворчал Лагутин и сам оглянулся, но пса не заметил. – И что она там нашла? – поинтересовался он незнамо у кого. – Все оглядывается и оглядывается. Вертялая ты девчонка, вот-вот себе шею свернешь.

– Да нет же, нет, это не так, – стояла на своем Евдокия. – Может однажды назад поглядела, а ты уже сразу рад и придраться.

Леонид Павлович опять оглянулся.

– Вот, сам и оглядываешься, – надувая губы, констатировала она.

– Да, я смотрю хорошо ли ты повесила мой новый костюм.

Евдокия насторожилась:

– А в чем дело?

– Утром он мне пригодится. Я в нем на работу пойду. Важная встреча на завтра у меня запланирована; не хотелось бы, чтобы помялся мой новый костюм.

Она удивилась:

– Да у тебя же костюмов тьма! Именно этот понадобился?

– Да, именно этот. Уж мне виднее.

– Тогда и не говори, что капризная я.

– Зачем? Об этом и так все знают. Из-за чего, по-твоему, мы так припозднились? Да-аа. Придется нам ехать ночью, – сердито пробурчал Леонид Павлович, бросая озабоченный взгляд на «брегет» – наследство от деда.

Часы утверждали, что вечер поздний, однако было еще светло. Остывающее солнце торопливо уносило гаснущие лучи за горы, но сумерки создавались пока лишь листвой деревьев, раскинувшихся пышными кронами над петляющей лентой дороги. Казалось, день про-

долгается, тем ни менее близилась черная южная ночь. Солнце еще разбрызгивало свои, спешащие на запад лучи, то тут то там, но из горных лесов уже выползал влажный таинственный холодок.

Этот холодок наполнил вдруг Евдокию плохими предчувствиями.

«Зачем я Ленечку злю? – ежась, удивилась она. – Зачем придираюсь? Надо мне паинькой быть».

Она робко спросила:

– Может, остановимся в ближайшем мотеле?

Лагутин рассердился:

– Зачем это?

– Чтобы ночью не ехать.

– Еще чего. Я только что тебе толковал: у меня завтра важная встреча. К тому же, ночью только и надо ехать: не жарко и дорога пустая. А ты, если устанешь, ложись на заднее сиденье и спи.

– Нет-нет, я спать не хочу, – бросилась заверять Лагутина Евдокия, и вот тут-то случилось ужасное.

Случилось то, чего она страшно боялась.

Случилось даже хуже! Гораздо хуже!

Пес дремал и видел сон. В этом сне его звали Бродяга, часто ласкали и вкусно кормили...

И вдруг он проснулся от странного ощущения: все то, что доселе сладко тяжело в желудке, вдруг вздыбилось и запросилось наружу. Пес еще героически сдерживал натиск барашка, но рвотные спазмы давили сильнее и сильнее – пес гмыкал; барашек шел на таран. Пес понимал: долго ему не выстоять – еще немного и случится... непоправимое.

– Что это? – насторожился Лагутин, оглядываясь назад и прислушиваясь к «гмыканью» пса.

Пес сидел за его спиной, он опять пса не заметил. Евдокия же, поняла что происходит, и обомлела.

«Это конец! – пронеслось у нее в голове. – Что сейчас будет!»

И все же она, уповая на чудо, попытала прикинуться дурочкой:

– Ты о чем, дорогой?

– Я о звуках. Что это? Неужели не слышишь? Там что-то живое!

– Нет, тебе показалось...

Спазмы усиливались, пес давился, Лагутин уже психовал. Он вопил:

– Что за звуки? Что ты опять притащила?

Евдокия пожимала плечами:

– Какие звуки? Их нет!

И... И... И-иии!!!

И барашек прорвался!

Фонтаном!

Бедные кресла! Бедный костюм! Бедный пес...

Впрочем, трудно сказать, кто из них был бедней: собака, кресла, костюм, женщина или мужчина, или подушки. Всем было плохо.

Лагутин вопил:

– Это Армани! Черт вас дери! Мой костюм! Моя встреча!

Фонтанировал рыбой с барашком пес – гибли кресла – менял цвет пиджак от Армани.

– Леня, я не знаю как это сюда попало! – отчаянно клялась Евдокия и икала, икала, икала.

Уже не шутя. Уже на полном серьезе.

Первым опомнился сам Лагутин.

«Что я делаю? – ужаснулся он. – До истерики жену довожу. Фиг с ним, с костюмом...»

– Ладно, Даша, – обреченно махнул он рукой, – убери из машины это убожество и поехали. Уже почти ночь, а нам кресла еще надо мыть у ближайшей колонки. Фу-уу! – брезгливо сморщившись, он отвернулся.

Евдокия растерянно оглянулась на пса – пес с барашком расстался и скис. Поникнув ушами, глазами и носом, и головой, он грязным комом сидел на полу, источая чувство вины, неприятные запахи, страх и одиночество. Он был жалок сердцепипательно.

Евдокия еще раз икнула и спросила у мужа:

– Как – убери? Леня, как я его убери?

– Как?! – опять психанул Лагутин. – Хорошим пинком под зад! Только так с ним и надо! Эта дрянь такого здесь натворила, что, клянусь, сейчас брошу машину вместе с любимым костюмом и пешком отправлюсь домой со всеми твоими камнями и чемоданами! А-а, что это я? – разъярившись, вскочил он и, распахнув заднюю дверцу, со сладострастной ненавистью вышвырнул пса на обочину.

Пес покотился с обрыва. Евдокия, вжав голову в плечи, услышала его визг откуда-то снизу. Визг резанул по ушам и смешался со слабым журчанием реки, петлявшей вместе с дорогой.

– Вот так-то! – злорадно воскликнул Лагутин, старательно вытирая руки о траву.

Однако машину свою он не бросил, как угрожал: брезгливо уселся за руль и медленно тронулся с места.

– Я приношу всем только беду-уу, – горько заплакала Евдокия, оглядываясь на дорогу. – Зачем я только его брала-аа!

– Вот именно, зачем ты его брала? – строго поинтересовался Лагутин.

– Я хотела как лучше, хотела его накормить, а теперь ты его уби-ил!

– Ничерта этой ходячей заразе не сделается. Дворняги живучие...

– Ой! Ой-ей-ей! – завизжала вдруг Евдокия. – Ленечка! Он карабкается! Он жив!

– Очень рад, – процедил Лагутин, сдерживаясь из последних сил. – Мавр сделал свое дело и может уходить, только как теперь быть с подушками? Про костюм я не говорю.

Он мог бы вообще не говорить: Евдокия его не слушала – она не спускала полных слез глаз с бедного пса, который уже смешался с кустами, с дорогой и превратился зовущую точку.

– Ленечка, миленький, – взмолилась она, – давай на минутку вернемся. Только посмотрим все ли лапки его целы...

Леонид Павлович хотел накричать на жену, но передумал.

«Может и за меня будет так же переживать, когда и я запаршивею», – подумал он и... развернул автомобиль.

Пес оказался цел. Он не сидел на обочине, а, прихрамывая, трусил – похоже, за Евдокией.

– Даша, только смотри, не трогай его, – предупредил Лагутин.

– Ленечка, я не буду, я с ним попрощаюсь, – пообещала она, бросаясь к бездомному псу словно к отцу родному.

Пес все понимал. Он знал и кто ему враг, и кто – друг. Опасливо скосив один глаз на Лагутина, он остановился и подался вперед, другим глазом радуясь Евдокие, но не решаясь к ней подойти.

Леонид Павлович предостерег:

– Да-ша!

– Ну, бродяга, прощай. Видишь, как плохо все получилось, – обливаясь слезами, пропищала она.

Пес видел и был не в обиде. «Что ж тут поделаешь, – говорили его глаза. – И хуже бывало. Жаль одно: опять пусто в желудке».

– Да-ша! – Лагутин был на пределе.

– Иду, Леня, иду.

Евдокия украдкой погладила пса и, приказав:

– Сиди, не смей ковылять за мной, – с громким ревом уселась в машину.

– Ну вот, началось! – воскликнул Лагутин, яростно нажимая на газ.

Пес не послушался – остался сидеть на обочине, с тоской провожая автомобиль, уносящий ее, даровавшую счастье.

«Я так рассчитывал на тебя», – говорили его глаза.

Евдокия взгляд его расшифровала и завывала по-бабьи:

– Он так рассчитывал на меня! Леня! Милый!

– Нет, Даша! Нет! – рявкнул Лагутин, значительно превышая скорость.

Он, щеголь и чистоплюй, не мог представить себя и паршивого пса в одном пространстве.

«Из санатория утащила заразу», – догадался Лагутин и его едва не стошнило.

– Я так долго дышал одним воздухом с этим уродом! – ужаснулся он. – Ты чудовище, Даша! Чудовище!

– Я хотела его откорми-ить! – и нападала и оправдывалась Евдокия, не прекращая рева. – Это я виновата! Он лишнего съел! Он лет десять не кушал! А ты все имеешь! У тебя все есть, но тебе мертвый костюм важнее чужой живой жизни!

– Собачьей жизни, заметь!

– Да! Да! Собачьей жизни! Неужели трудно его осчастливить? Больного, голодного!

– Он же дряхлый. Он от старости скоро умрет.

– Вот и умер бы по-человечески. Есть же гостиницы для животных, там лечебницы, и стоят не дорого, тебе это тьфу...

– Даша, не зли меня! Даша, лучше молчи!

И она замолчала. Уцепившись побелевшими пальчиками в кресло, молчала, но слезы градом текли по бледным щекам. А потом к ней вернулась икота.

«Шантажирует, – заподозрил Лагутин. – И пускай. Скоро ей надоест, успокоится, а через час и вовсе забудет про старого пса».

Но вскоре он понял, что ошибается: жена не обманывала его. Она и сама испугалась и уже виновато смотрела на мужа, беспрестанно икая.

«Ну вот, весь мой труд насмарку, – сокрушенно подумал Лагутин. – Годы терпения и труда, все псу под хвост. Грязному мерзкому псу – откуда он только взялся на мою бедную голову? Неужели болезнь возвращается?»

Он внимательно, с пытливой тревогой посмотрел на жену – она, обнаружив смятение в его добрых глазах, поняла все и, устыдившись, сказала:

– Нет, Леня, не надо, он старый. Не беспокойся, я водички сейчас попью и икать перестану.

«Это можно остановить, если сразу, успею», – решил Лагутин и, поворачивая назад, сказал, потрепав по щеке жену:

– Он не старый, а пожилой, совсем как я.

И (о чудо!) Евдокия перестала икать.

– Леня, он старый, ты прав, он действительно очень старый, – пропищала она, благодарно заглядывая мужу в глаза.

– Ну тогда пусть по-человечески хоть умрет, устрою его в собачий «хоспис» – ответил Лагутин, с облегчением отмечая возвращение румянца на щеки жены.

Глава 9

Вдохновленный своим благородством, Лагутин простил и пса, и жену, и обрел присутствие духа. Жизнь уже не казалась ему юдолью слез и печалей. Щедро отблагодарив работницу мотеля за отмытый салон, он погрузил случайно разросшуюся семью в пахнущий дезодорантами «БМВ» и помчался домой, удивляясь себе безгранично.

«Даше со мной повезло, – думал он, уже снисходительно глядя на пса, смиренно сидящего на полу у ног неожиданно приобретенной хозяйки. – Кто бы еще так героически терпел ее детские шалости и капризы?»

Покопавшись в уме, он с удовлетворением не нашел подобных себе среди друзей и знакомых.

«Да, такой я один, – вынужден был признать Лагутин. – Больше нет дураков любую заразу на шею себе сажать».

Имелся ввиду только пес, не жена. Пес действительно смотрелся ужасно. Даже зоошампуни его не спасли: отмытый сто раз, он выглядел во столько же раз паршивей.

«Серьезное испытание послано мне, – насладившись своим благородством, вернулся на старые рельсы Лагутин. – Скорей бы до дома доехать, да сплавить его с глаз долой. Как Даше моей не противно его к себе прижимать?»

Евдокия дремала на переднем сиденье, обнимая голову пса, а вот пес не дремал. По двум причинам. Во-первых, он по велению души мгновенно присягнул благородной хозяйке и тут же счел своим долгом беззаветно служить; а во-вторых, он не верил мужчине, который с хозяйкой рядом. Пес знал: кто однажды к тебе обратился пинком, тот правил своих не изменит. Поэтому пес бдел, затравленно и враждебно поглядывая на злого мужчину.

В конце концов Лагутину надоела такая неблагодарность и он разбудил жену:

– Даша, насколько я понял, сиденья сушили феном.

– Да, – потирая глаза, подтвердила она.

– Значит они сухие?

– Не совсем. Высох только велюр, а внутри...

Лагутин жену оборвал, задав законный вопрос:

– Ты что, полагаешь, что этот вот организм во время осенних дождей спит на перинах?

Так Евдокия не полагала.

– Ты собрался его переселить? – спросила она.

Лагутин скрытничать не стал.

– Да, – ответил он и, пытливо всматриваясь в лицо жены, продолжил: – При условии, что ты его не кормила. Если пса укачает опять...

Евдокия поспешила заверить:

– Нет, я его не кормила и охотно на задние кресла с ним перейду.

Лагутин хотел возразить, но, взглянув на враждебного пса, согласился:

– Идите.

«Хоть не буду видеть как вы обнимаетесь», – брезгливо подумал он.

С этого момента все пошло как по маслу: настроение поднялось, ночь посветлела, шустрей замелькали цифры спидометра, асфальтовое полотно стало глаже, километры – короче и жена (и даже пес) показались милее, несмотря на коллизии.

Ранним утром, как и планировали, на обочине вырос дорожный пост родного города. И «брегет» сообщил Лагутину, что на работу он не опаздывает, и даже успеет выбрать новый костюм к важной встрече.

«И даже кофе без спешки выпью, и плотно позавтракаю. Сейчас же разбужу Пенелопу, пусть мчится к нам, встречает хозяев», – строил планы Лагутин, с радостью отмечая бодрость во всех своих членах.

Будто и не было длинной дороги с опасными приключениями – свеженький, точно с грядки огурчик.

«Есть еще порох в пороховницах», – нетерпеливо ерзая в кресле, восхитился собой Лагутин, вспоминая (почему-то) некоторых молоденьких пациенток из своей частной практики.

– Да-ша! – жизнерадостно воскликнул он, оглядываясь на задние сидения. – Дашенька, подъем! Наконец-то мы...

Наткнувшись на пса, Лагутин осекся и, утратив часть настроения, с досадой подумал: «Черт, избавиться от обузы сегодня я не успею: день расписан едва ли не по секундам».

Евдокия проснулась и, протирая глаза, спросила:

– Ленечка, мы приехали?

– Да, – ответил Лагутин. – Дай мне, пожалуйста, свой мобильный.

– Зачем?

– Вызову Пенелопу. Она еще завтрак успеет нам приготовить. Времени предостаточно.

Пенелопа, призванная помогать по хозяйству, делала за Евдокию все, исполняя роль и кухарки, и прислуги и домоправительницы. За это она получала не только жалование, но и любовь обоих супругов. Лагутины понимали на чем держится их счастливый брак – как и все благополучное, брак держался на отсутствии всяких проблем.

Услышав имя своей домработницы, Евдокия пришла в восторг:

– Пенелопа! Моя Пенелопа! Как я по ней соскучилась! Увижу и зацелую!

– Надо решить неприятный вопрос, – омрачил ее радость Лагутин. – Надеюсь, ты понимаешь о чем пойдет речь.

– Догадываюсь: о собаке.

Леонид Павлович, предвидя сопротивление, нахмурился и попытался дипломатично зайти с другой стороны.

– Сокровище, знаешь, что такое зло? – мягко спросил он.

– Знаю, – ошетинулась Евдокия, – это добро для тебя за мой счет.

– Я не понял: ты хочешь нарушить наш договор? – притворно удивился Лагутин.

На самом деле ничего другого от жены он не ожидал, но Евдокия его удивила.

– Нет, – сказала она, – сегодня же я пристрою пса самолично.

– Умница! – похвалил супругу Лагутин. – Наконец-то взялась за ум.

Дальнейшее показало, что с выводами он поспешил.

– Можешь не волноваться, – продолжила Евдокия, – но и не делай вид, что обрекая на смерть животину, ты творишь святое добро.

Брови Лагутина встали дыбом:

– На смерть? Животину? Ты полагаешь, что в Хосписе пес быстрее умрет, чем в подворотне?

– А ты надеешься, что он выживет несмотря на то, что его будут лечить ваши врачи? – скептически поинтересовалась Евдокия.

Леонид Павлович усмехнулся и мягко поправил жену:

– Ветеринары, Дашенька, ветеринары.

Она погладила пса:

– Бродяга, видишь, что ожидает тебя?

«Психическая атака началась», – мысленно констатировал Лагутин и с ужасом осознал, что у «заразы» есть огромные шансы провести этот день в его доме.

– Даша, – строго воскликнул он, с отвращением кивая на пса, – клянусь, если хоть одна его лапа переступит порог моей квартиры...

– Не переступит, – успокоила мужа Евдокия, – я занесу пса туда на руках.

Леонид Павлович не интеллигентно вдруг завопил:

– Нет, черт возьми! Только не это!

– А что?! – с угрозой спросила жена.

– Оставим собаку консьержке, – миролюбиво свернул со сканадала Лагутин и попросил:
– Дашунчик, не мешай мне, пожалуйста, заниматься делами.

И он с преувеличенно деловым видом приступил к беседе с Пенелопой, которая с радостью приняла сложный заказ на завтрак.

Едва их автомобиль въехал во двор дома, Евдокия схватила в охапку собаку и попыталась выскочить чуть ли не на ходу.

– Куда ты? – рассердился Лагутин.

Она с обидой ему сообщила:

– К консьержке, пристраивать пса.

– Ну уж нет, этим я сам займусь, а ты поставь машину в гараж.

– А вещи?

– Вещи потом Пенелопа поднимет.

И Лагутин, не доверяя важнейшее дело жене, брезгливо поволок собаку в подъезд. Евдокия схватила сотовый и, тараторя с панической скоростью, начала уведомлять консьержку:

– Тетя Маша, это Дуня.

– Приехали! – обрадовалась та.

– Да, но дело не в том. К вам идет мой супруг!

– Чудесно!

– Он будет вас кое о чем просить!

– Великолепно! Ни в чем ему не откажу...

– Умоляю вас, откажите ему! Откажите!

Консьержка, тайно влюбленная в красавца Лагутина, смущенно призналась:

– Отказать Леониду Павловичу я вряд ли смогу. Даже не знаю.

– Умоляю вас, постарайтесь!

– Ну... Это будет совсем нелегко.

Евдокия схватилась за голову:

– Горе мне! Горе!

Поставив машину в гараж, она ворвалась в подъезд и метнулась к консьержке:

– Тетя Маша, вы мужу моему отказали?

– Легко, – выдохнула та и, содрогнувшись спросила: – Где вы Кабысдоха такого себе откопали?

– На это я мастерица, – радостно сообщила Евдокия и помчалась домой целоваться с разлюбленной своей Пенелопой.

Там ее встретил Лагутин – совсем другой. Поручив пса заботам домоправительницы, он снова обрел хорошее настроение и, с азартом потирая ладони, шутливо вопрошал:

– Пенелопа, а не пора ли нам лопать?

– Пора, Леонид Павлович, конечно пора. Дуняшу дождемся и буду кормить, – соглашалась она, криво и нежно ему улыбаясь.

Время скосило ее рот и глаза, но душа Пенелопы под давлением тяжестей и невзгод окончательно распрямилась: любой мог туда войти, не спотыкаясь. Услужливые быстрые руки ее не знали покоя, и к приходу хозяйки был и завтрак готов, и пес накормлен, и заперт на время в ванной.

Сели за стол.

«Неужели я наконец-то поем?» – обрадовалась Евдокия и напоролась на окрик мужа.

– Пенелопа, Дашеньке овощи, – категорически сообщил Лагутин и пояснил: – На диете она, но зато я оттянусь по полной программе. – И восхитился: – До чего же дома-то хорошо!

Пока Евдокия уныло заправлялась морковкой с бобами, Пенелопа вилась вокруг хозяина, подкладывая в его тарелку разлакомые куски.

– Леонид Павлович, вот это возьмите, вы же копчености любите, – суежилась она.

– Нет, я сальности обожаю, – шутил Лагутин и скромно просил: – Мне, пожалуйста, во-он тот кусочек с жирком, что побольше.

Голодная Евдокия втихомолку сердилась: «Семейная идиллия, черт возьми. На столе лишь амброзии не хватает, а я жри эти бобы. И, как назло, Пенелопа безмолвствует, не волнует ее диета моя, Ленечкой увлеклась. А он-то как хвост распустил от ее внимания, прямо светится удовольствием».

Но долго благодушествовать хозяину не пришлось. Насытившись, он с наслаждением выпил кофе и поднялся из-за стола с восклицанием:

– А теперь бриться и в душ, но перед этим загляну в кабинет, приготовлю кое-какие бумаги и новый костюм подберу.

Здесь последовал строгий взгляд на жену. Евдокия потупилась, а Пенелопа, услышав про душ, метнулась в ванную. Открыв дверь, она поняла, что появилась непредвиденная работа: непривычный к комфорту пес плохо решил проблему, возникшую после обильной еды. Пришлось мыть и пса, и полы, и...

За этим занятием Лагутин ее и застал. Когда он, рассеянно перебирая бумаги, попытался войти в ванную, Пенелопа испуганно закричала:

– Простите, он здесь неловко наделал.

– Так путь переделает, – равнодушно посоветовал Лагутин, не отрываясь от своего занятия и привычно игнорируя суть домашних проблем.

– Я хочу сказать, что пес наделал в штаны, – неуклюже поправилась Пенелопа, стараясь выразиться покультурней.

– Наделал в штаны? Недеюсь, не в мои, – пошутил Лагутин и, поведя носом, прозрел.

И завопил дурным голосом:

– Нет, я так больше жить не могу! Даша! Срочно сюда! Немедленно!

У Евдокии своя была жизнь. Пользуясь отсутствием мужа, она разговаривала по телефону с Евой, которая высыпала на подругу ворох вопросов:

– Дуся, ты где?

– Я дома.

– А разве ты не собиралась ехать с утра ко мне?

– Этим и занимаюсь!

– Что – едешь?

– Нет, собираюсь.

– В таком случае знай: приехала я!

– Да ты что?!

– Под дверью твоей стою!

– Мама моя дорогая!

– Что – мама? Скорей открывай!

Вот тогда-то, впустив Еву в квартиру, Евдокия и услышала нечеловеческий вопль супруга. Вопль сказал ей о многом, она содрогнулась и помчалась на зов. Ева, разумеется, от подруги отстать не могла. Влетев в ванную, обе они были поставлены перед выбором.

– Придется выбирать: или пес, или я! – громогласно сообщил Леонид Павлович.

Ева брезгливо посмотрела на многократно отмытое животное, перевела взгляд на Лагутина и с отвращением шепнула подруге:

– Я бы выбрала пса. Он моложе.

– Я знаю, тебя на щенков потянуло, – не осталась в долгу Евдокия, намекая на Боба.

– Это совсем не щенок, – демонстрируя отменный слух, встрял в их беседу Лагутин. – Это недоношенная зараза постпенсионного возраста. Дряхлый кобель! – Лагутин пустил петуха и строго предупредил жену: – Даша, я не шучу. Ты слышала?

– Да.

– Чтобы к моему приходу и духу заразы здесь не было! – рявкнул он и удалился на службу небритым.

– Ну, с духом мы раньше всего разберемся, – сообщила ему вслед Пенелопа, яростно натирая полы.

Пес забился под раковину и скулил. Он был напуган. Совершенно не представляя как угодить новым хозяевам, он страдал. Евдокия прекрасно его поняла и, горестно уставившись на подругу, воскликнула:

– Да-а, бабуля была права!

– О, да! – согласилась с ней Ева, не зная о чем идет речь.

– Бабули правы всегда, – компетентно заверила Пенелопа и, покончив с полом, приступила к уборке новенькой душевой кабины.

И душевую кабину не оставил без внимания пес: решая куда бы очистить желудок, в ванной он побывал везде.

– Видишь, что у меня творится! – сокрушилась Евдокия.

Ева мгновенно ее успокоила:

– У других творится похуже.

Евдокии досадливо отмахнулась:

– Опять ты про кровь.

– Кровь – ерунда. Теперь со мной настоящее горе стряслось!

– Что еще? – опешила Евдокия.

– Я с Бобом твоим развожусь, а от Ирки муж ускакал!

Сказать, что сообщение Евы потрясло Евдокию, значит ввести читателя в заблуждение. Сообщение Евы Евдокию убило.

– Ты разводишься с Бобом?! С Бобом моим?! – завопила она.

– Да, развожусь. А что тебя так испугало, ведь детей у нас еще нет.

– Да вы не женаты!

Ева кивнула:

– Почти.

Глава 10

Туманное «почти» подруги Евдокию напугало. Она схватилась за сердце:

– Почти? Что значит «почти»?

Ева потупилась и зарделась.

«Ну что тебе объяснять, сама ты уже немаленькая», – радостно сообщили ее глаза.

– Та-ак! – подытожила Евдокия и, дернув подругу за руку, гаркнула: – Ну-ка, пошли!

Затащив Еву в свой будуар (подальше от ушей Пенелопы), она приступила к допросу.

– Вы что, с Бобом спали? – строго спросила она.

– Бессонницей мы не страдаем, – нахально ответила та.

– Немедленно прекрати дурой прикидываться! – рявкнула Евдокия.

– Не шуми! Шуман ты мой экзальтированный! – рявкнула Ева. – Разве я виновата, что тебя не возможно понять?

– Прекрасно ты все понимаешь! Сейчас же мне признавайся, ты ему отдалась?

Заметив решимость подруги, Ева струхнула.

– Не сразу, не сразу, – оправдалась она.

Евдокия убила за брата:

– Боб еще и настаивал! Горе мне горе! Вот же дурак! – вынесла приговор она.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.